

Старомосковский детектив

ЕЛЕНА СЕМЕНОВА

ЕЛИ ХАЛВУ,

ДА ГОРЬКО ВО РТУ

Елена Владимировна Семёнова

Ели халву, да горько во рту

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23985016

Аннотация

80-е годы XIX века. Странные события происходят в коломенской усадьбе князей Олицких. При загадочных обстоятельствах умирает старый князь, его сыновья получают угрожающие письма, а по дому ночами бродит призрак Белой Дамы. Княгиня обращается за помощью к своему старому другу доктору Жигамонту. События развиваются стремительно: один за другим погибают члены семьи Олицких. Почти каждый обитатель дома прячет скелет в шкафу и может оказаться убийцей. На помощь доктору приезжают следователи Немировский и Вигель. Между тем, коломенский сыщик Овчаров, получив заказ от одного из обитателей усадьбы, отправляется в Москву, чтобы узнать о судьбе фигурантов страшного преступления, имевшего место 20 лет назад. В этом ему помогает Василий Романенко, для которого то дело было первым в сыщицкой практике. Как связаны нынешние преступления с давним? Что скрывает «дворянское гнездо», оказавшееся разорённым пороками своих обитателей? В этом предстоит разобраться сыщикам.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	66
Глава 3	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Пролог

Луна обогнула лес и растеклась мутным пятном, укрытая кружевным облаком. Заухала в темноте сова и, сорвавшись с ветви, пролетела над самой головой Ильи Никитича, едва не сшибив с него картуз.

– Чёртова птица! – выругался Овчаров, потирая замёрзшие руки. – Нет, право слово, не будет улова...

Несмотря на июнь, ночь выдалась холодной и даже промозглой, и Илья Никитич уже не раз помянул недобрым и не употребляемым в приличном обществе словом и человека, сказавшего ему ждать его здесь, и всю родню оного, ни в чём совсем не повинную.

По правде сказать, Овчарову не впервой приходилось коротать ночь столь малоприятным образом. Жизнь сыскного агента, как известно, полна различных передрыг. Впрочем, Илья Никитич своей службою был доволен. Приносила она ему аккуратный, хотя и более чем скромный доход, а также бесплатный проезд и гостиничные номера в тех случаях, когда требовалось разнюхать что-либо в ином городе. Будучи человеком предприимчивым, Илья Никитич с готовностью брался за поручения частных лиц, которые платили не в пример сыскному ведомству гораздо большие суммы. Надо сказать, что работы в последнем для агента было немно-

го. Да и откуда взяться ей в уездном городе? Вот, иное дело – Москва! Там ой как недурно можно было бы заработать! Ведь большие способности дремлют в Илье Никитиче, ведь куда как на большее способен он, и тесно ему в родной тихой заводи! Вся радость только – рыбу удить да попивать со скуки. Денег аккурат на выпивку и достаёт, а ни на что серьёзное всё одно хоть сто лет копи, не накопишь. Пропадай жизнь! Так и захлебнётся талант в вине, отупеет мозг, и кому тогда будет нужен Овчаров?

Подул ветер, и первая тяжёлая капля надвигающегося дождя упала на нос сыскному агенту. И куда это господин запропастился, черти бы подрали его? Сидеть бы ныне у камелька да попивать рябиновку... Или уж у озера, что здесь неподалёку, сома караулить. Крестьяне сказывали, что здесь сом – всем сомам сом – настоящее чудище. Прикормить бы его да поймать! Вот, не кисло бы было! Если уж настоящего крупного преступника не судьба, так хоть сома...

Хрустнула ветка под чьей-то нелёгкой поступью. Овчаров сощурил красные, воспалённые глаза: идёт!

– Долго ждать заставляете, господин хороший! – не удержался от замечания продрогший агент.

– Вы будете ждать меня столько, сколько потребуется, – звякнул в тишине резкий ответ.

Илья Никитич подошёл ближе к закутанному в непромокаемый плащ господину, нагнул голову, посмотрел снизу вверх:

– Чем могу соспешествовать вашей милости?

– Не юродствуйте, господин Овчаров! Или останетесь без работы!

– Это вряд ли, – Илья Никитич криво усмехнулся, обнажив свои жёлтые, уже крошащиеся, несмотря на молодые годы, зубы. – Это ведь вам мои услуги нужны, а не мне ваши. Кстати, не будет ли у вас приличного курева? Я жутко продрог, поколь ждал вас.

– Я не курю, господин Овчаров. И прошу вас покорно: говорите несколько в сторону, а то от вас дух такой...

– Нет, значит, курева... Так и запишем-с, – Овчаров извлёк из кармана завёрнутый в бумагу табак, проворно скрутил папиросу, закурил. – Скоро дождь разойдётся. Говорите, зачем звали.

– Мне нужно, чтобы вы поехали в Москву и выяснили там о судьбе одного семейства, с коим я был знаком двадцать лет назад.

Илья Никитич закашлялся:

– Ходила к дьяку попадья... Ничего себе задачка! Двадцать лет! Каким же это образом я должен суметь отыскать их?

– Вы меня спрашиваете об этом? Это ваша работа – искать, вынюхивать, рыть землю носом. А моя – платить вам за это.

– Это займёт много времени, а Москва город недешёвый...

Господин фыркнул и протянул Овчарову бумажник:

– Здесь на текущие расходы. Должно хватить. Остальное только в случае успеха вашей миссии.

Илья Никитич проворно пересчитал деньги, довольно крякнул и спрятал бумажник в карман:

– Кого же я должен отыскать?

– Двадцать лет назад в Москве, в Староконюшенном переулке была швейная мастерская фрау Ульбрехт. Она была весьма хорошо известна в ту пору. У Лейды Францевны имелось много помощниц-учениц, юных девушек из бедных семей или же вовсе сирот, о которых она проявляла большую заботу. Среди них была семнадцатилетняя Аннушка Колыванова. Её мать, кажется, прачка, жила в районе «Балкан», что в Протопоповском переулке, сильно болела и много пила. А Аннушка была очень добра, трудолюбива, хороша собой. В Староконюшенном её знали буквально все: её просто невозможно было не заметить... У девушки был жених. Некто Фёдор Палицын. Из мелких лавочников. Отец его, Кузьма Григорьевич, держал лавку церковной утвари всё в том же Староконюшенном. Фёдор у отца и работал. Очень странный юноша. Физически сильный, но нервами слаб. Припадки у него бывали, знаете ли. И, вот, однажды, находясь, по всей видимости, в таком припадке, он жестоко убил свою невесту. Следствие полагало, что из ревности... Аннушка представлялась девицею высокой нравственности, Фёдор дышать на неё не смел, а потом вдруг выяснилось, что

девушки из заведения фрау Ульбрехт оказывают услуги известного рода состоятельным господам. Вероятно, это сильно потрясло несчастного, и он убил Аннушку... Потом был суд, Фёдор был приговорён к двадцати годам каторги, там он, кажется, заболел нервной горячкой и умер. Родители его, несчастные старики, в виновность сына не верили. Что стало с ними дальше, я не знаю.

– И именно это мне предстоит выяснить? – уточнил Овчаров.

– Да, – лязгнул в темноте ответ. – Узнать, что стало со стариками. Узнать, были ли иные родные, как у Фёдора, так и у Аннушки. Если да, то живы ли и всё о них подробно. И ещё я желал бы точно знать, верно ли, что Фёдор на каторге умер...

– Труднѐхонько будет, – покачал головой Илья Никитич. – Но уж постараюсь, как могу. Завтра же и отбуду в Первопрестольную.

Внезапно тишину нарушил громкий крик.

– Бог мой, это, кажется, в доме кричат... – произнёс господин, вздрогнув.

– Оттуда, – кивнул Овчаров. – Вон, огни в окнах замелькали... Чай, случилось что...

– Ступайте, господин Овчаров! Выполняйте вашу работу... И поторопитесь! Это очень важно!

Нежданный работодатель Ильи Никитича почти бегом ринулся к дому. Овчаров передёрнул плечами, скрутил очеред-

ную папиросу:

– Эх-эх-эх, барин, и что тебе потребовалось раскапывать этокое бородатое дело? Темнишь, ваша милость... Не с брызгу ты так забеспокоился. И отчего ж не сказал ты, какова твоя роль в том деле была? Кем ты этим Фёдору с Аннушкой приходился? Что на Москве делал в тот год? Или у самого рыльце в пушку? Так и запишем-с... Да разнюхаем. Чёрт знает, может, это судьба моя есть. На Москве-то и развернусь... Интересно, что у них стряслось в доме? Но да не моё дело. Завтра в путь, а нынче обогреться и спать! Мерзейшая погода...

Глава 1

– Всё-таки, Елизавета Борисовна, я никак не могу понять, для какой нужды я вам понадобился? – спросил доктор Жигамонт, захлопнув крышку золотых часов и убрав их в карман.

– А что, милый доктор, большое неудобство вам вышло от моего приглашения? – улыбнулась княгиня Олицкая, не отвечая на вопрос.

– Отчего бы вдруг неудобство?

– Ну, как же, известное дело: из матушки-Москвы, где у вас свои пациенты, ехать в нашу глушь...

– Разве же это глушь, Елизаветы Борисовна? Ей-богу, вы живёте в красивейшем краю.

– Правда ваша. Вам бы следовало ещё осмотреть город. Изумительные красоты вы нашли бы в нём. Быть может, вы не согласитесь со мною, но, по мне, так наш Кремль хоть и уступает вашему, столичному, но тоже великолепен.

– Несомненно, Елизавета Борисовна. Каждому своё гнездо мило.

– Это как сказать. Многим чужое гнездо всегда просторнее и мягче представляется. Вы хоть бы возьмите нашу здешнюю молодёжь: ведь они бредят Москвой, милый Георгий Павлович! Москвой и Петербургом. Будто бы мёдом намаза-

но там, будто ждут их там, будто здесь им дела нет! А ведь нигде так не одинок человек как в окружении множества чужих людей, в больших городах...

Жигамонт внимательно рассматривал лицо своей спутницы. Они были знакомы ещё с молодости, но виделись в последний раз более двадцати лет назад, хотя всё это время часто переписывались и не забывали с трогательной заботой посылать друг другу небольшие презенты к Рождеству, Пасхе и на День Ангела. Время мало изменило Елизавету Борисовну. В свои шестьдесят с лишком лет она выглядела много моложе. Холёное, гладкое, продолговатое лицо с крупными, похожими на цыганские, тёмными глазами, прямой нос с небольшой горбинкой, рот со слегка выпяченной нижней губой, тёмная, не тронутая до сей поры сединой шевелюра – в этом лице читалась царственность, подчёркнутая и безупречной осанкой княгини. Правда, небольшая полнота всё-таки наложила свой отпечаток на прежде стройную шею Олицкой, осиную некогда талию, но не испортила красоты её, не отняла лёгкости походки и быстроты движений. Тем более, что отличающаяся тонким вкусом Елизавета Борисовна умело подбирала свои наряды: все они были тёмных тонов и пошиты в стиле а-ля рюс, столь любимом ею. Вот, и сейчас княгиня была облачена в темно-зелёное платье, имеющее некоторое сходство с сарафаном. Ткань платья была плотной, а широкие рукава более светлого тона были сделаны из тонкого воздушного шёлка. Такой же шёлковый шарф

покрывал голову Олицкой. К нему была приколата старинная брошь с искусной миниатюрой.

– Позволю себе сделать вам комплимент, княгиня: вы прекрасно выглядите, – заметил Жигамонт.

Княгиня вздохнула и, потянув вожжи, остановила лошадь. Ещё при встрече Георгия Павловича удивило, что знатная дама ездит одна, без кучера, сама правит изящной, сделанной, по всей видимости, на заказ искусным мастером, коляской, запряжённой серым в яблоках жеребцом, слегка погоняя его время от времени кнутом, сжимаемым изящной рукой, затянутой в тёмно-зелёную перчатку.

– Скажите, Елизавета Борисовна, вы не боитесь ездить одна? – спросил доктор. – Лошадь может понести, да и мало ли...

– Лошадь понести не может, – уверенно ответила Олицкая. – Мой отец держал множество лошадей. То была его страсть. С малых ногтей я привыкла к ним, я ездила верхом, как заправский гусар. И ни один конь не сбросил меня, заметьте! Даже самые буйные подчинялись. Теперь уж я, конечно, редко выезжаю верхом: лета не те. Но уж из повозки-то как-нибудь не выпадут. Впрочем, я иногда беру с собой кучера. Знаете, есть у меня один... Глухонемой. Только с ним и езжу, когда устала или дурно чувствую себя. У него великое есть достоинство – его немота и глухота. Как будто бы и нет его вовсе.

Жигамонт улыбнулся краешком губ. Они стояли на доро-

ге, по обеим сторонам которой шумели благоухающие сосны. Пахло смолой и свежестью недавно прошедшего дождя, и лучи солнца пронизывали сплетённый полог ветвей, скользили, разливались радужными красками.

– Как в церкви... – сказала Олицкая, глубоко вздохнув. – Как говорит наш отец Андроник, лес – нерукотворный храм Божий...

– Елизавета Борисовна, для чего вы всё-таки пригласили меня? На больную вы не похожи. Быть может, кто-то из ваших родственников хворает? – вновь спросил Георгий Павлович.

– Милый доктор, если б болела я, так позвала бы нашу знахарку, бабу Степаниду, а мои любимые родственники вполне обошлись бы местными лекарями. Вас я вызвала для себя.

– Чем же местные лекари вам не подошли?

– Во-первых, они все пьяницы и чрезвычайно скучные люди, – рассмеялась княгиня. – Во-вторых, они не играют в шахматы, а вы дока в этом деле. Представьте, я уже долгое время вынуждена играть сама с собою!

– Вы пригласили меня играть в шахматы? – улыбнулся Жигамонт.

Елизавета Борисовна помрачнела:

– К сожалению, нет... – она резко повернула лицо к доктору: – Мне нужна помощь, милый Жорж.

– Вы только что сказали, что здоровы...

– Здорова, да. Но мне нужна помощь иного рода. Я хочу

понять, что происходит в моём доме.

– То есть?

– Выслушайте меня. Месяц тому назад скоропостижно скончался мой муж.

– Ему, если я не ошибаюсь, было хорошо за восемьдесят...

– Не ошибаетесь. Александр Владимирович часто хворал в последние годы. Накануне смерти он почувствовал недомогание. Врач осмотрел его, но не нашёл никаких причин для беспокойства. На другой день князь чувствовал себя уже лучше, но всё-таки приказал послать за священником, дабы исповедаться. Он всякий раз посылал, когда подступал недуг... Отец Андроник пришёл, муж исповедался... В ту же ночь он вдруг дико закричал. Мы все, кто был в доме, прибежали на крик и нашли князя уже при смерти. Он только хрипел и ничего не смог сказать, но всё время указывал рукой на дверь, и глаза его были полны ужаса... Князь умер почти в тот же момент от удара...

– Простите, Елизавета Борисовна, но здесь я не вижу ничего загадочного. Учитывая возраст вашего мужа и его болезненное сердце...

– Вы не дослушали меня.

– Да-да, извините...

– Эта смерть мне тогда также не показалась ничуть загадочной. Хотя, по всему было видно, что его что-то сильно напугало. Но вскоре в нашем доме стали происходить другие

странности. Что-то произошло с сыновьями мужа. Они стали нервными, подозрительными... Словно боятся чего-то. Старший, Владимир, даже стал запирается в своей комнате на ключ, чего прежде никогда не бывало. А однажды я вошла в комнату Антона, младшего, и увидела у него на столе записку странного содержания: «Помнишь ли ты меня? Я скоро приду за тобой, как за твоим отцом. А.К.»

– А.К.? Кто это?

– Если бы я знала! – сплеснула руками княгиня.

– А вы не спрашивали своего пасынка?

– Милый доктор, вы знаете, какие у меня отношения с сыновьями мужа! – поморщилась Олицкая. – Ещё не хватало, чтобы они решили, что я рылась в их бумагах. Они всё равно ничего мне не скажут. Но и это ещё не всё, милый Жорж! Самое главное, что в моём доме завёлся призрак!

– Кто? – поразился Жигамонт.

– Призрак белой дамы! Она появляется по ночам.

– Вы сами видели?

– Бог миловал. Но видел Антон, видел Каверзин, приятель Владимира, который живёт у нас, видела Катя, видела Машенька...

– Машенька?

– Да... Это незаконная дочь покойного сына дяди Алексея. Очень славная девочка. Дядюшка полюбил её, как родную. Она буквально освещает его последние дни. Бедняжка жутко перепугалась, когда увидела этот проклятый призрак.

– Елизавета Борисовна, это же какая-то фантазмагория...

– Ах, милый Жорж, я сама не склонна верить всяким глупостям о приведениях. Я могу не верить Антону: он часто бывает пьян, а пьяному чего не помстится! Могу не верить Кате: у неё расстроены нервы. Но Каверзину и Маше я не верить не могу. Когда четыре человека утверждают одно и то же, то как не поверить? Быть может, и мой несчастный муж увидел эту белую даму, и именно она так напугала его. В общем, милый доктор, я хочу разобраться в этом деле и рассчитываю в этом на вашу помощь.

Жигамонт закурил трубку и, выпустив несколько клубов дыма, ответил:

– Разумеется, я готов оказать вам любое содействие. Но, мне кажется, вам лучше бы помог в подобном деле сыщик, а не врач.

– Да где же я возьму сыщика? Дорогой мой Жорж, я обратилась к вам, потому что могу вам доверять в столь щекотливом вопросе. А какому же сыщику я могу довериться? У меня таких знакомых нет, – пожалала плечами княгиня.

– Я мог бы рекомендовать вам одного в высшей степени порядочного и искусного человека.

– Кто же он таков?

– Сын моего покойного друга, ещё в юные годы весьма выручивший меня, когда моя репутация оказалась под угрозой из-за неоправданных подозрений в мой адрес. Он теперь служит следователем и обнаруживает большой талант на сво-

ём поприще.

– Как его зовут?

– Его фамилия Вигель. Пётр Андреевич. Он начинал свою службу под руководством господина Немировского. Может быть, вы слышали? В Москве это человек известный. Гроза преступного мира. Искуснейшие дела распутывал. Газеты не раз писали о нём.

– Здесь не Москва, милый доктор, – вздохнула Олицкая. – Впрочем, фамилию Немировского я где-то встречала.

– Я мог бы отписать моему молодому другу. Правда, не уверен, сможет ли он приехать... Ведь у него служба.

– Я подумаю над вашим предложением. Но прежде я хотела бы, чтобы вы побывали в моём доме, познакомились с моими домашними и составили своё мнение. К слову, учтите, никто из них не должен знать о настоящей цели вашего приезда. Я всем сказала, что меня беспокоят боли в области груди, и я пригласила вас, как своего давнего друга.

– Я надеюсь, что боли – это часть легенды? – уточнил доктор.

– Совершенно верно. Сегодня вечером я приказала устроить ужин в вашу честь, милый Жорж. На нём соберутся все домашние. Посмотрите на нас незамутнённым оком и составьте первоначальное мнение. А там уж видно станет, стоит ли беспокоить вашего сыщика, – княгиня причмокнула губами и тронула поводья. – Мы, однако же, засиделись. Пора!

Конь рысцой застучал копытами по дороге, легко катя ма-

ленький экипаж. Георгий Павлович задумчиво смотрел перед собой, несколько удивлённый неожиданным поворотом событий. Никогда прежде доктору Жигамонту не доводилось выступать в роли сыщика. Всю свою жизнь он занимался исключительно врачебной практикой: вначале работал в московской Мариинской больнице, где несколькими годами прежде служил Михаил Достоевский, и жива была память, как о нём, так и о его сыновьях, один из которых, Фёдор, только делал первые свои шаги на литературном поприще. Предки Георгия Павловича были французскими гугенотами, осевшими в России. Позднее они перешли в православие, занимались медициной. Дед Жигамонта спас немало жизней русских солдат в войну 1812-го года, за что был награждён по Высочайшему повелению. Впрочем, его подвиги и труд других членов семьи мало поправили материальное положение Жигамонтов, и на заре своей практики Георгий Павлович буквально бедствовал. Жил он в стенах всё той же Мариинской больницы, не имея денег, чтобы нанять квартиру. Однако талант и трудолюбие молодого врача всё же способствовали его карьерному и материальному росту. К сорока годам Георгий Павлович занимался уже исключительно частной практикой, приносившей вначале умеренный, а потом и весьма приличный доход. Теперь же доктор Жигамонт стал в Москве довольно известен. Он пользовался весьма состоятельными и знатными семьями, его услуги стоили дорого, Георгия Павловича приглашали в лучшие дома первопре-

стойной. Он давно забыл вкус нищеты, живя в просторной квартире на Волхонке, выезжая всякое лето в Европу, поигрывая на рулетке в Баден-Бадене (впрочем, всегда зная меру и не поддаваясь страсти), обедая в лучших ресторациях Москвы и одеваясь у модных портных. Доктор Жигамонт отличался тонким вкусом, аристократизмом, безупречностью манер, глубоким умом и умением легко и остроумно поддержать любую беседу: это, безусловно, нравилось его состоятельным пациентам, а, в особенности, пациенткам, подчас выдумывающим себе разные болезни, чтобы только лишний раз иметь удовольствие увидеть всё ещё привлекательного, несмотря на лета, и столь приятного в общении доктора. Беря за свои услуги весьма большие деньги, Георгий Павлович нередко оказывал помощь и малоимущим, принимая их у себя и наведываясь в бедняцкие кварталы. С них доктор вообще не брал денег. «Долг врача – лечить больных, – говорил он. – Лечу я всегда бесплатно. Иное дело, что некоторые мои пациенты вполне здоровы и лечатся лишь от скуки. Лечение для развлечения. А развлечение – штука, само собою, платная... Вот, за него-то и беру я полным рублём!»

...Лес внезапно закончился, и взору Георгия Павловича предстал большой усадебный дом с высоким парадным крыльцом.

– Ну, вот, дорогой доктор, мы и прибыли, – улыбнулась Елизавета Борисовна, останавливая лошадь. – Добро пожаловать в моё поместье! Надеюсь, ваше пребывание в нём бу-

дет для вас приятным!

– И я на это надеюсь, любезная Елизавета Борисовна, – с иронией отозвался Жигамонт. – Надеюсь, ваши приведения мне его не испортят.

К экипажу подошёл крепкий, жилистый старик с густой бородой и низко поклонился княгине.

– Здравствуй, Анфимыч, здравствуй! – улыбнулась Олицкая, подавая старику руку.

Анфимыч помог Елизавете Борисовне спуститься на землю.

– Вот, милый Георгий Павлыч, это и есть мой кучер. Анфимыч. Вы ему можете ничего не говорить. Он вас всё равно не поймёт. Он понимает только меня. Так я говорю, Анфимыч?

Старик закивал и начал делать княгине какие-то знаки. Олицкая нахмурилась:

– Антон опять пьян? Да когда же только прекратится это безобразие! Мало того, что этот олух царя небесного совершеннейшим образом предаётся безделью, так ещё и позорит наш дом! Хлеб ешь, а беса не тешь! Избаловались все...

Доктор Жигамонт с интересом наблюдал странную сцену, опершись на свою тяжёлую, дабы ежеминутно тренировать руки, трость с набалдашником в виде совы с малахитовыми глазами.

– Удивляюсь я, Елизавета Борисовна, – сказал он, улыбаясь. – Как это вы понимаете, что он вам «говорит»?

– Привыкла уж. Он ведь при мне с младенчества. Анфимыч у нас книги любит.

– Что же, он грамоте учён?

– Его мой покойный отец учил. Дивный был человек, царствие небесное. Писать, правда, не выучил, но прочесть кое-что Анфимыч может. Правда, тяжело ему это, а потому кроме Святого Писания он ничего не читает, а его уж, должно, наизусть выучил. Он картинки разные любит. Особенно, как в книжках они. А, когда так, так он их в своём чулане по стенам расклеивает. Радует, как дитя малое.

Анфимыч ещё раз поклонился барыне, взял лошадь под уздцы и увёл её.

– Идёмте же, – сказала Елизавета Борисовна. – Вы, должно быть, голодны с дороги? Я скажу на кухне, чтобы вас накормили обедом.

– Премного благодарен.

– Мне нужно будет теперь заняться делами. В этом доме, милый доктор, ими занимаюсь одна я. Остальные сплошь бьют баклуши да за то ждут туши. Владимир пишет проекты преобразований имперского размаха, на меньшее он никак не согласен, Антон пьёт и развлекается... При этом оба они меня ненавидят за то, что отец их завещал именье мне. Можно подумать, будто они могли бы управлять им! Я уже и при жизни отца их все дела вела, а они? Только пользовались плодами моих трудов. Ещё на меня же и лают... Володичка и Родя слишком молоды ещё, чтобы помогать в хозяйстве.

Управляющий наш, Лыняев, хитрая бестия. Он, конечно, угрём изовьётся, хозяйствовать умеет... Но он вор, как и все управляющие, а потому за ним глаз да глаз нужен. Так что вы уж простите меня, что до вечера я оставлю вас. Мой сын Родя покажет вам дом и отведёт к дяде Алексею. Он, вы увидите, милейший старик. И вам будет чрезвычайно рад, так как он скучает, не имея благодарных слушателей своих воспоминаний, а их у него хватило бы на несколько томов. Дядюшка прелестный рассказчик, но беда, что все домашние слышали его рассказы уже много раз, и им надоело. Мне некогда, а Машенька ещё слишком юна, чтобы всё в них понимать... Вы уж доставьте старику удовольствие. Скучно вам не будет, уверяю. Дядюшка ведь очень многое знает. Живая история. Он даже кое-что записывает из своих воспоминаний. О Севастополе, например... Ну, да он вам сам расскажет!

– Я почту за честь быть ему представленным, – ответил Жигамонт.

Они поднялись по белой лестнице на крыльцо, и навстречу им тотчас выбежал стройный белокурый юноша лет двадцати, одетый чрезвычайно скромно и просто. Он радостно улыбнулся княгине:

– Доброго утра, матушка!

– Да уже день на дворе давно, дорогой мой, – ласково улыбнулась княгиня, целуя сына. – Вот, познакомься, это мой добрый друг – доктор Георгий Павлович Жигамонт.

Молодой человек учтиво поклонился:

– Рад приветствовать вас, доктор. Родион Александрович Олицкий к вашим услугам.

– Родя у нас готовил себя к духовному поприщу, милый Жорж. Он лишь недавно прибыл из семинарии и удивил меня, заявив, что сомневается, стоит ли ему возвращаться туда.

– Вот как? – приподнял брови доктор, обращаясь к юноше. – Что же, вы разочаровались в своём призвании?

– Нисколько, Георгий Павлыч. Просто дух академизма, царящий в семинарии, показался мне пропитанным латинством. Мы изучаем западный опыт, забывая свой, писания наших святых отцов предаются забвению, тогда как католические мистики исследуются во всей полноте. Я ожидал, что обучение в семинарии приблизит меня к Господу, но на деле же в тамошних учёных речах я вижу всё: ум, глубину знаний, даже таланты – но только не Бога. И это удручает меня. Иногда мне кажется, что иные наши богословы сами не веруют в Господа. А не может внушать веру тот, кто не верит сам...

– Родя, прости, что прерву тебя, дорогой, – княгиня взяла сына под руку. – Мне нужно заняться делами, а доктор устал и проголодался с дороги. Покажи ему дом и распорядись насчёт обеда. Комнату приготовили ещё накануне, ты знаешь.

– А вы, матушка, не будете обедать?

– Нет-нет, я попрошу Дашу принести мне в кабинет кофе и грильяж. Более ничего теперь я не хочу. Милый Жорж, извините меня! – Олицкая пожала руку Георгию Павловичу и вошла в дом.

– Пройдёмте же и мы, – пригласил Родя гостя. – Вы не взыщите, что я говорю столь пространно. Это мой грех, я знаю, утомлять любого своими суждениями.

– О, что вы! – Жигамонт протестующе поднял руку. – Мне было бы весьма интересно продолжить этот разговор. Я не слишком сведущ в вопросах религии, но то, что вы говорите, мне показалось верным и интересным.

– Спасибо. Ах, доктор, мне больно видеть, в каком положении находится наша церковь. Монастыри развращаются, учёные богословы и даже священники впадают в католицизм, эту гангрену христианства, туда же склоняется просвещённая публика, в которой веру подменил мистицизм, основанный на чувствах и лишённый духа, или уж вовсе – материализм, превращающий человека в гордого своей слепотой слепца... Простые священники, особенно в провинции, часто невежественны, распущены, даже пьяны. Наши литераторы потратили немало чернил, высмеивая попа. Это крайне, крайне дурно, но, однако же, нет дыма без огня, и, надо признать, что сами недостойные служители Божии дают тому причину. Ах, какой бедой это всё может обратиться для нас!

– Так вы твёрдо решили оставить семинарию?

– Не знаю, доктор. Признаться, я растерян. Конечно, Богу научить нельзя, это понятно, ибо его можно только сердцем узнать, но, вот, легко же отвратить. Знаете ли вы, что среди семинаристов есть такие, кто в Бога не верит? Они учатся

там, чтобы лучше изучить предмет, который потом намереваются ниспровергать...

– А что же вы намерены делать далее? Хотите быть священником? Или поступить в монастырь?

Родион поднял на доктора крупные, как у матери, только светло-серые, глаза и, помедлив, ответил:

– Нет, доктор... Я, в сущности, не имею желаний становиться ни тем, ни другим, но я хотел бы проповедовать Бога, нести его учение людям. Этого сейчас ужасно не хватает. Правда, не уверен, вправе ли я... Ведь сам я столь черён, столь растерян, что сумею ли выразить то, что хотел бы? Нет, я не хотел бы писать учёных статей, спорить... Я, вообще, очень не люблю, когда о Боге спорят. В спорах Бог теряется... Но лишь нести Слово Его, исполнять Его Волю.

– В таком случае, вам остаётся положиться именно на Его Волю...

– Да-да. Вот, и отец Андроник говорит мне то же самое. Отец Андроник с недалёкого времени служит в нашем приходе. Это удивительный человек. Вам непременно нужно с ним познакомиться!

– Уверен, что так оно и будет, потому что надеюсь задержаться у вас на какое-то время. Раз уж, наконец, я вырвался навестить вашу любезную матушку, так уж и загощусь, сколь обстоятельства позволят.

– Матушка будет очень рада, – улыбнулся Родион. – И я тоже. Ах, я всё-таки бессовестно рассеян! Ведь матушка же

наказала распорядиться насчёт обеда, а я утомляю вас своими разговорами. Приказать подать обед в столовую?

– Не стоит беспокоиться, – ответил Жигамонт. – Я не столь великая птица, чтобы брезговать кухней.

– Тогда идёмте, – кивнул молодой князь.

Родион провёл Георгия Павловича на кухню, где хлопотала молодая румяная девушка с полными руками и весёлым лицом.

– Даша? А где Фоминична?

– Так вышла она, Родион Александрович. Скоро возвращается. Что прикажите? – отозвалась девушка, с любопытством косясь на гостя.

– Подай нам с доктором что-нибудь пообедать.

– Извольте, барин. Нынче ушица стерляжья у нас есть, отбивные телячьи, пирожки со вчерашнего дня оставались... Сейчас Фоминична придёт – будем с нею ужин готовить. А насчёт обеда нынче не распорядились...

– Подавай, что есть, – махнул рукой Родион. – Садитесь, Георгий Павлыч.

Жигамонт сел, откинувшись на спинку стула, привычно внимательно разглядывая всё вокруг.

– Вы не подумайте дурного, доктор, – продолжал молодой человек. – У нас с обедом странная история. Непонятно, обед то или ужин. А всё потому, что вся семья живёт по своим правилам, мучая бедную Фоминичну. Матушка вечно занята, и к обеду даже редко показывается, приказывая при-

нести себе что-либо в кабинет. Дядюшка часто бывает болен и тоже редко спускается и обедает у себя. Антон и Володичка ведут такой образ жизни, что и сами не имеют понятия, где будут через полчаса. А Владимир у нас англоман. Он обедает вечером, то есть тогда, когда вся остальная семья имеет обыкновение ужинать. И жена его соответственно. Только за ужином и собирается наша семья вместе. Завтракают все тоже в разные часы. Матушка поднимается в шесть утра, а Антон, к примеру, спит до полудня... Так-то и живём...

Между тем, проворная Даша уже разлила по тарелкам золотистую уху, от аромата которой сладко щекотало внутри, подала отбивные, пирожки, сыр, овощи и фрукты, нарезала свежий хлеб, кокетливо поглядывая на доктора, и, наконец, замерла, ожидая других указаний.

– Спасибо, Даша, – улыбнулся Родион. – Ты у нас настоящая искусница.

– Полно вам, барин. Это Фоминична искусница, а я так... – махнула рукой Даша.

– Не скромничай. Дашенька, пожалуйста, отнеси княгине кофе и её любимый грильяж. Она просила.

– Сию минуточку, Родион Александрович, – кивнула Даша.

Ветер слегка колыхал занавески, и дышащие свежестью ветви растущей под окном берёзы врывались в комнату, ласково шелестя листвой. Алексей Львович Каринский, надви-

нув на глаза очки, внимательно просматривал листки бумаги, исписанные чётким, ровным почерком и довольно кивал седовласой головой:

– Дивно, душечка, дивно! Се экселент!¹ У тебя прелестный почерк, дитя моё. Я уверен, что с твоей помощью, наконец, осилю мои воспоминания для семейной хроники и в назидание потомкам.

– Я счастлива, дедушка, что могу хоть чем-то отплатить вам за ваши благодеяния ко мне, – тихо ответила стоящая у окна русоволосая девушка в простом сером платье.

– Ах, брось, брось! – замахал руками Каринский. – Ты просто обижаешь меня, душечка, подобными словами. Отплатить! Мои благодеяния! Разве же ты чужая мне? Ты моя родная внучка. Ты Марья Алексеевна Каринская! И у меня нет человека роднее тебя! Я уж не говорю о том, что с твоим появлением моя, едва не уничтоженная смертью обоих сыновей жизнь вновь обрела смысл! Ты радость моя, мой луч света!

Маша опустила перед Алексеем Львовичем на колени, прижалась губами к его морщинистой руке:

– Я так люблю вас, дедушка!

– И я тебя, душечка, – ответил Каринский, глядя её по голове. – Что бы я без тебя делал! Вероятно, не жил бы... Дитя моё, прожить долгую жизнь – это, может быть, великое счастье. Но лишь в том случае, когда есть для кого жить. Иначе жизнь становится непосильной ношей. Величайшее горе

пережить всех своих близких и друзей. Ещё год назад я горестно роптал, что Бог покарал меня долголетием, но ныне я всякий день благодарю Его за то, что послал мне тебя.

– Бог милостив, дедушка...

– Да, душечка. И я молюсь, чтобы Он не оставлял тебя.

Знаешь, дитя моё, что я подумал?

– Что, дедушка?

– Тебе пора выходить в свет!

– Нет, дедушка! – испуганно вскрикнула Маша.

– Отчего же нет?

– Меня никогда не примут в благородное общество...

Ведь я... Моя матушка была всего лишь ключницей...

– Но твой отец был моим сыном! И я твой дед! И я выведу тебя в свет, и никто не посмеет дурно отозваться или даже посмотреть на тебя! – ответил Каринский, снимая очки. – Тебе пора подумать о замужестве. Найти хорошего человека! Я уже стар и хочу быть спокоен за твою судьбу, а спокоен я буду, лишь зная, что есть человек, которому я могу верить тебе.

– Разве хороший человек непременно должен быть знатен? Бывать в свете?

– Совсем нет. Твоим мужем станет тот, кого ты полюбишь, и кто полюбит тебя, ма анфан². Но ты не должна дичиться людей. Тебе пора привыкать к ним. Это неизбежно, мой ангел.

В глазах Маши заблестели слёзы:

– Я не хочу... Но всё будет так, как вы прикажете, дедушка.

– Ну, ангел мой! – сплеснул руками Алексей Львович. – Перестань плакать немедленно! Пощади старика! Я не могу видеть твоих слёз!

В дверь постучали. Маша быстро утёрла слёзы и отвернулась к окну.

– Антре³! – громко произнёс Каринский.

В комнату впорхнул внучатый племянник Алексея Львовича Родион, а следом вошёл незнакомый старику человек:

– Здравствуйте, дядюшка! – сказал Родя. – Позвольте представить нам нашего гостя. Георгий Павлович Жигамонт, врач. Из Москвы.

Каринский надел очки, протянул гостю руку и приветствовал его радостно:

– А! Вот, и вы, шер ами! Же суи контант дё ву вуар!⁴ Лиза говорила мне, что вы приедете, и я с нетерпением ждал вас!

– Бесконечно раз знакомству с вами, Алексей Львович, – с поклоном ответил доктор.

Каринский с первого взгляда с удовлетворением определил в госте человека благородного и наделённого большим вкусом. Его костюм был пошит по последней моде, элегантный лёгкий пиджак коричневого цвета прекрасно гармонировал с галстуком. Лицо доктора имело тонкие черты, которым морщины лишь придавали благородства, а умные глаза его смотрели внимательно и участливо. «Милейший чело-

век!» – решил про себя Алексей Львович и, подозревая внучку, представил её:

– Это Машенька, ма птит фий⁵.

Жигамонт учтиво поклонился и легонько пожал девушке руку. Машенька зарделась, присела в реверансе и, не поднимая глаз, пробормотала нечто приветственное и вновь отошла к окну. Каринский поманил доктора и, когда тот наклонился, шепнул ему на ухо:

– Машенька ещё очень юна и всех дичится...

Георгий Павлович понимающе улыбнулся.

– Присаживайтесь, шер ами, – пригласил Алексей Львович, указывая на глубокое кресло, стоявшее напротив него. – А тебе, Родя, я полагаю, не очень хочется слушать мою стариковскую болтовню, которую ты уже слышал бесчисленное множество раз?

– Что вы, дядюшка... Я всегда рад...

– Ну-ну, се не па врэ⁶, – улыбнулся старик. – У тебя, наверняка, найдутся занятия интереснее. Я думаю, доктор не будет возражать, если ты нас покинешь. Не так ли, доктор?

– Разумеется, – кивнул Жигамонт.

– Ступай, мон шер! Увидимся за ужином!

Родион удалился, и Алексей Львович, сняв очки, обратился к Георгию Павловичу:

– Ах, шер ами, в нашем доме так редко бывают гости... Когда я был молод, в доме моего отца всегда собирались люди, и у себя я поддерживал тот же хлебосольный обычай. Ка-

ринские – не самый знатный род в России. Титулов мы не имеем... Наши давние предки были простыми воинами. Но один из них, Даниил Феодорович, стяжал себе ратную славу при нашествии поляков. Он служил под началом самого князя Скопина-Шуйского и был им отличаем. Есть во Владимирской губернии Каринское поле. Там в 1609-м наши славные войска разбили латинян. В той битве Даниил Феодорович отличился особенно. Он был сильно изранен. И за отвагу свою пожалован потомственным дворянством, землёй и получил фамилию – Каринский. Вот, оттоль мы и пошли...

– Историю прекрасней всего изучать по следам своих предков, – промолвил Жигамонт.

– О, вы правы, голубчик! Как вы правы! – с чувством произнёс Алексей Львович. – Потому-то я и вознамерился написать воспоминания. Всё-таки я прожил на этом свете скоро девяносто лет и кое-что видел на своём веку. А не станет меня, и кто-то вспомнит, кто будет знать? А самая полная история слагается не пером одного летописца, хоть бы он был и самим Нестором, но живым потоком множества голосов. Вы понимаете меня, шер ами?

– Безусловно, и, поверьте, совершенно разделяю ваше мнение.

– Маша очень помогает мне в работе. Я уже скверно вижу, и мне сложно писать самому. Тан пи!⁷ А у неё прелестный почерк. И, с Божьей помощью, мы с нею окончим наш труд, – старик покосился на внучку, склонившуюся над вы-

шиванием.

– А много ли уже написано? – спросил доктор.

– О, совсем нет! То пока лишь воспоминания моей молодости, – улыбнулся Каринский. – Но они-то и наиболее интересны. Так приятно вновь окунуться в дни своей юности... Вы, голубчик, ведь не можете знать, что это было за время! Вы тогда ещё не родились. А я уже был прелестным юношей, кавалергардом! Совсем недавно были разбиты французы, и все мы, мальчишки, грезили о ратных подвигах. Какой высокий дух патриотизма царил тогда в сердцах! Сейчас принято дурно отзываться о временах Императора Николая Павловича, а я вам скажу, что то были благословенные времена. Государь безо всякой охраны прогуливался по улице, ездил в санях... Можно ли теперь вообразить такое? Ведь до чего дошло: на Царя, на Помазанника охотятся, как, прости Господи, на зайца! Государя среди бела дня разрывает бомбой, брошенной каким-то мерзавцем. И это – прогресс? Нет, реформы были нужны, я не спорю... Но, если такой результат... – Алексей Львович пожал плечами. – В моё время и вообразить себе нельзя было подобного.

– А как же восстание декабристов?

– Скорбная страница нашей истории. И всё-таки это несколько иное. Знать, гвардия и прежде активно участвовала в переворотах. Хотя декабристы, возможно, стали предтечами нынешних... Многих из них я знал лично... – Каринский вздохнул. – Мы встречались в различных собрани-

ях, служили вместе... Это были умные, смелые и достойные люди. Для меня было большим огорчением, что дело так повернулось. По счастью, меня тогда не было в столице. Я был в отпуске, и мне не пришлось делать горький выбор между моими друзьями и моим Государем. Но я никогда бы не изменил моей присяге, это безусловно. Я, доктор, как и многие, любил нашего Государя и боготворил его. Это был настоящий рыцарь, воплощённое Самодержавие. Я до сей поры храню его портрет.

Жигамонт повернул голову и увидел небольшой писанный маслом портрет Императора Николая Павловича. Каринский также посмотрел на него и продолжал:

– Теперь просвещённая публика упрекает его в жестокости. А о какой жестокости идёт речь? Ведь даже семействам государственных преступников, коими, к прискорбию, оказались многие мои приятели, был назначен пенсион, их детям по велению Государя к Рождеству дарились подарки, они направлялись в лучшие учебные заведения... Представьте, если бы в любой европейской стране случилось нечто наподобие Сенатской площади! Да и случалось же! И таковые восстания топились в крови. И это ни у кого, заметьте, не вызывает возмущения. Только русский Царь не имеет права карать врагов престола. А как любезен был Государь! Мне трижды посчастливилось говорить с ним. Это было огромное счастье. Я готов был умереть за него. Нет, что и говорить, чудное было время... Кстати, Георгий Павлович, не желаете

ли наливочки? Лечебной?

– Не откажусь, – улыбнулся Жигамонт. – Покорнейше благодарю.

– Машенька, ангел мой, принеси, пожалуйста, нам с доктором наливочки и что-нибудь закусить.

– Да, дедушка, – девушка поднялась и вышла, так и не подняв глаз.

– Под наливочку и разговор слаще, – лукаво подмигнул Каринский. – До ужина ещё много времени... Кстати, я всё говорю, а вас не спросил, что нынче нового в Первопрестольной и в столице?

– О столице немного могу сказать, так как моя практика целиком проходит в Москве, а Москва всё та же. Даже и не знаю, какие новости я мог бы рассказать, о чём бы не писали газеты.

– Я читал пару лет назад о памятнике Пушкину... Жаль, что не был на его открытии, не видел его. А вы были?

– О, да, конечно! – кивнул доктор. – На это торжество собралась вся читающая публика. Это был прекрасный день! Особенно потрясла всех речь господина Достоевского. Признаться, я и сам слушал её, затаив дыхание, боясь пропустить хотя бы слово. Он был тогда уже очень болен, и говорить ему было тяжело, но что это была за сила духа, что за мысли! После него никто более не решился тотчас брать слово, а в толпе прошёл слух, будто писателю сделалось дурно, будто он даже умирает. Но, к счастью, это оказалось вздором.

– Я читал эту речь в одном из журналов. Лиза выписывает всё, что выходит. Самой ей, правда, читать некогда, зато читаю я, Родя, Машенька... Иногда Владимир с супругой... Впрочем, он выписывает себе заграничную прессу. Как будто бы мало своей... О чём это я? Ах, да, речь... На меня она также произвела впечатление. Я Машеньку просил перечитать трижды. И как точно там было о смирении, о нашем общем скитальчестве, о гордыне... Фёдор Михайлович был величайшим писателем. Жаль, что он ушёл так рано... Се домаж⁸ ...

В комнату вошла Маша, неся поднос, на котором стоял графин с наливкой, блюдо с фруктами и печенье. Поставив поднос на стол, девушка вновь заняла своё место у окна.

– Прошу вас, доктор, отведайте, – Каринский разлил наливку по рюмкам.

Жигамонт выпил напиток мелкими глотками.

– Ну-с, что скажете?

– Превосходно, Алексей Львович! Выше всяких похвал!

– Это фамильная наша наливочка, – гордо сказал старик. – Угощайтесь!

– Благодарю.

– Я, шер ами, очень ценю литературу. В юности я и сам грешил виршами... Я ведь имел счастье быть знакомым со многими настоящими литераторами. И с Пушкиным, и с Жуковским...

– Что вы говорите!

– Близкими друзьями мы, разумеется, не были, но, однако же, встречались, беседовали. У меня даже сохранилась одна записка ко мне Александра Сергеевича, в которой он благодарит меня за одолжение, которое я ему сделал.

– Какое же одолжение, если не секрет?

– Сущие пустяки, – рассмеялся Каринский. – Мы оказались вместе в одной компании, и Пушкин проиграл крупную сумму в карты. Ему не хватало, чтобы заплатить, и я с радостью ссудил его необходимыми деньгами, тем более что мне в тот вечер везло.

– Поразительно, – с искренним интересом произнёс Жигамонт. – Вам, действительно, нужно непременно записать всё это. Вы знали стольких выдающихся людей...

– Да, было время, – вздохнул Алексей Львович. – Машенька, к слову, очень любит Пушкина и Жуковского. От чего-то прозу она жалует меньше. Достоевский слишком тяжёл для её светлой и юной головки. А поэзию она обожает, целые поэмы наизусть может читать. Может, и вас уважит, прочтёт, если вы попросите.

– Я буду счастлив, но только если сама Мария Алексеевна этого пожелает.

Маша подняла глаза и чуть-чуть улыбнулась:

– Спасибо, господин Жигамонт. Я непременно что-нибудь прочту для вас.

– Умница, – похвалил старик внучку. – Знаете ли, доктор, иногда мне кажется, словно моя жизнь мне приснилась. Са-

мому не верится, что я мог видеть столько всего. На моей памяти весь уходящий век. Все мои сверстники уже почили... У князя Вяземского есть чудные стихи:

Смерть жатву жизни косит, косит
И каждый день, и каждый час
Добычи новой жадно просит
И грозно разрывает нас.

Как много уж имён прекрасных
Она отторгла у живых,
И сколько лир висит безгласных
На кипарисах молодых.

Как много сверстников не стало,
Как много младших уж сошло,
Которых утро рассветало,
Когда нас знойным полднем жгло...

А мы остались, уцелели
Из этой сечи роковой,
Но смертью ближних оскудели
И уж не рвёмся в жизнь, как в бой.

Печально век свой доживая,
Мы запоздавшей смены ждём,

С днём каждым сами умирая,
Пока не вовсе мы умрём.

Сыны другого поколения,
Мы в новом – прошлогодний цвет:
Живых нам чужды впечатленья,
А нашим – в них сочувствий нет.

Они, что любим, разлюбили,
Страстям их – нас не волновать!
Их не было там, где мы были,
Где будут – нам уж не бывать!

Наш мир – им храм опустошенный,
Им баснословье – наша быль,
И то, что пепел нам священный,
Для них одна немая пыль.

Так, мы развалинам подобны,
И на распутии живых
Стоим, как памятник надгробный
Среди обитателей людских.

Вот, так и я теперь... Бог знает, может, это всем старикам кажется, что их время было лучше. А так ли на самом деле? Может быть, оно кажется нам прекрасным просто потому,

что тогда мы были молоды, бодры, и впереди у нас была целая жизнь. Но всё-таки николаевская эпоха, при всех своих недостатках, была блистательна. Я помню, как пустили первый поезд в Царское. Теперь поезда стали обыденным делом, ими никого не удивишь. А тогда это было подлинное чудо! На поезде катали желающих... Для удовольствия. И билет стоил аккурат семьдесят пять копеек. Большие деньги, между прочим! Я тогда только что женился и решил сделать моей супруге подарок: прогулка до Царского на поезде. Несмотря на то, что жалование моё было невелико, и я всё время нуждался в деньгах, я купил два билета, мы сели и поехали. Какой восторг был написан на её милом лице! Мон дьё!⁹ Какая это была дивная прогулка! Под конец моя милая жена поцеловала меня и сказала: «Милый Алексис, эта прогулка навсегда будет одним из лучших воспоминаний моей жизни!» Я чувствовал то же. А первая наша фотография! Тогда она впервые появилась в столице. Напротив Казанского собора. Заказчиков вначале было очень мало. И немудрено! Шутка ли сказать: двадцать пять рублей за карточку. И, вот, в очередную годовщину нашей свадьбы я повёл мою Елену Михайловну фотографироваться. Она вышла на той карточке чудно хорошенькой! Вы можете взглянуть: эта фотография стоит на полке, в рамочке.

Доктор поднялся и приблизился к полке. На ней, действительно, стояла старая фотография, на которой были запечатлены статный господин средних лет в мундире и с пышными

усами и бакенбардами и женщина, не утратившая красоты, несмотря на годы, с лицом, чем-то напоминающим Сикстинскую мадонну.

– Хороша, не правда ли? – улыбнулся Каринский.

– Да... – протянул Жигамонт.

– Она родила мне троих сыновей и дочь. Девочка умерла ещё ребёнком, а сыновья... – старик вздохнул. – Машенька немного похожа на неё, вы не находите?

– Сходство, определённо, есть, – кивнул доктор.

– Скажите, голубчик, вы долго собираетесь пробыть в Олицах?

– Надеюсь задержаться на какое-то время.

– Это дивно, дивно! – обрадовался Алексей Львович. – Только позвольте вас предостеречь, дорогой Георгий Павлович.

– От чего?

Каринский поднёс палец к губам и прошептал с заговорщическим видом:

– В нашем доме появился призрак! Да-да, голубчик! Машенька видела его собственными глазами и ужасно перепугалась. Фоминична потом отпаивала её лечебным настоем. И ещё три человека видели этот фантом! Только они все не знают, что это. А я знаю!

– Знаете?

– Знаю!

– И что же есть этот фантом?

– Это белая дама! – торжествующе объявил старик, внимательно следя за реакцией собеседника.

– Белая дама? – изумился тот.

– Абсолюман¹⁰, голубчик!

– А кто такая белая дама?

– О, мой милый! Сразу видно, что вы не служили в гвардии! – Каринский нагнулся к уху Жигамонта и прошептал уже совсем тихо: – Белая дама – это смерть, доктор! В полку наш командир часто повторял нам: «Кавалергарды, берегитесь: Белая Дама смотрит на вас!»

– Ах, дедушка, какие страшные вещи вы рассказываете! Мне опять будут сниться кошмары, – подала голос Маша, не отрываясь от рукоделья.

– Прости, душечка. Я лишь хотел предупредить доктора, чтобы уберечь его от неприятной встречи. Мой вам совет, голубчик, не выходите поздней ночью из вашей комнаты и запирайте её на ключ. От греха, как говорится, подальше.

– Спасибо за заботу, Алексей Львович. Хотя, признаться, мне было бы любопытно взглянуть на эту белую даму...

– Bravo, bravo, голубчик! – просиял Каринский, успевший за время недолгой беседы уже полюбить гостя. – Слова настоящего гусара! Будь я немного моложе, и сам бы нарочно вышел ночью в коридор, чтобы выследить наше привидение! Если вы вдруг решитесь на такое, чего я вам всё-таки не посоветую, то не ведите себя вызывающе. Может, и обойдётся.

– Спасибо за совет, дорогой Алексей Львович. Я непре-

менно учту его, если всё-таки решусь на это отважное дело!

– В таком случае предлагаю тост за боевой дух! – рассмеялся Каринский, разливая наливку. – Ей-богу, голубчик, вы мне очень понравились!

– Будьте уверены, что это взаимно.

Елизавета Борисовна Олицкая была женщиной неутомимой и деятельной. Большой знаток женской души, Иван Сергеевич Тургенев, разделивший образованных русских людей на «гамлетов» и «донкихотов», с огорчением отмечал, что среди мужчин превалирует первый тип, тип углублённых в себя мыслителей, не способных к действию, тогда как русские женщины часто являют собой обратное. Немало деятельных женщин вывел писатель на страницах своих книг. Одни из них искали мужчину, дабы идти за ним и сопутствовать в любых испытаниях, вдохновляя своего избранника и внушая ему веру в себя, другие эмансипировались, ударялись в революцию... Елизавета Борисовна всю свою энергию отдавала ведению хозяйства. Муж княгини был старше её на целых тридцать лет и был сверстником дяди Алексея Львовича, с которым приятельствовал. Склонности к ведению хозяйства князь не питал никогда, предпочитая предаваться более благородным занятиям, а потому не мог нахвалиться на молодую жену, взявшую бразды правления помещьем в свои руки. Прежде Олицким принадлежало гораздо меньше земли, и она была приведена в изрядное разоре-

ние. Однако, княгиня исправила это положение, продав собственное родовое имение Каринки, а на вырученные деньги купив земли окрест Олиц.

Елизавета Борисовна сама вникала во все тонкости ведения хозяйства, не ленилась объезжать свои владения, не брезгуя разговаривать со своими мужиками, изучая литературу, посвящённую аграрным вопросам.

– Не барыня, а барин в юбке, – говорили о ней.

Умная и волевая хозяйка самолично проверяла счета, не доверяя управляющему и следя, чтобы он «воровал да не заворовывался». Благодаря её неусыпным трудам, дела в имении вскоре пошли в гору. Елизавета Борисовна стремилась улучшить быт своих крестьян, открыла школу для их детей, завела небольшую больницу, заведовать которой был поставлен ссыльный за народничество врач. Пропаганды народников Олицкая не опасалась.

– Охальные речи там страшны, где порядка нет, где люди впроголодь живут и потому злы. А мои крестьяне, слава Богу, сыты. Нищих нет среди них. В имении моём всё устроено. Я своих мужиков знаю, и они знают меня. Знают, что их барыня о них заботится, работает не покладая рук. Не пойдут они супротив меня. А если и смутятся, так уж я найду способ их смущение рассеять, – говорила Елизавета Борисовна.

Крестьяне барыню, в самом деле, уважали, побаивались и любили. Нередко она бывала на их свадьбах, крестинах, подчас и сама выступая в роли крёстной.

Соседские помещики с завистью поглядывали в сторону владений княгини Олицкой. Елизавета Борисовна знала, что они недолюбливали её. Недолюбливали за всё: за «везение», благодаря которому она сделалась княгиней, за умение хозяйствовать, за независимый нрав и острый язык... Олицкая платила им тем же. Она редко навещала кого-либо, сторонилась светских мероприятий, держалась особняком, отчего слыла гордячкой.

– Пусть пустоплясы на балах скачут, а я рабочая лошадка, мне делом заниматься нужно, – парировала княгиня.

Но годы брали своё, и нет-нет, а вздыхала Елизавета Борисовна, оторвавшись от расчётных книг о том, что пролетела её молодость, пронеслись мимо неё балы и увеселения, а труд её и продолжить некому, не на кого положиться...

Вечерело. Олицкая отодвинула блюдо с грильяжем, потянула затёкшую спину, откинулась на спинку кресла, посмотрела на большой портрет Екатерины Великой, висевший над каминной полкой, и поманила рукой спавшего на бархатной подушке с кисточками шпица:

– Косолапушка, иди сюда скорее...

Шпиц подбежал, княгиня подхватила его, прижала к груди, поцеловала в хитрую мордочку:

– Зайка-зайка-чумазайка...

– Ваш шпиц, прелестный шпиц, не более напёрстка! Его погладил я: как шёлковая шёрстка! – раздался бодрый голос, и на пороге кабинета возник доктор Жигамонт, уже пе-

реодевшийся к ужину.

– А, милый Жорж, вы кстати, – улыбнулась Елизавета Борисовна. – Давайте сыграем с вами партию, покуда не было гонга к ужину.

– Гонга?

– Да... Владимир завёл этот обычай. На английский манер, – Олицкая поморщилась. – Надоело мне это англоманство... А, впрочем, чёрт с ним... Шахматы лежат на каминной полке.

Жигамонт взял коробку и поставил её на стол перед княгиней, пододвинув кресло и опустившись в него.

– Расставляйте, – сказала Елизавета Борисовна. – Обратите внимание, какая искусная работа. Эти шахматы принадлежали ещё моему деду.

Георгий Павлович проворно расставил затейливо вырезанные костяные фигуры на доске и заметил:

– У вас усталый вид, драгоценная Елизавета Борисовна.

– Ходите, доктор... Как прошёл день? Полагаю, вы провели его в обществе дяди?

– Вы угадали.

– И как он вам понравился?

– Алексей Львович, по-моему, замечательный человек и редкий собеседник. Я слушал его более двух часов и даже не утомился, хотя обычно столь долгие беседы действуют на меня усыпляюще. И с удовольствием бы слушал ещё.

– Да, дядя редкий рассказчик. Жаль, что у меня так мало

времени... Впрочем, я не раз слышала все его рассказы. Надеюсь, он всё-таки запишет их.

– Я тоже на это надеюсь. Вам шах, княгиня, – отозвался доктор, закуривая трубку.

Елизавета Борисовна проворно проделала рокировку:

– А как вам понравилась наша Машенька?

– Милая девушка, но очень дичится. Кстати, ваш дядя дал мне ценные рекомендации по выслеживанию белой дамы.

– Что вы говорите? Что ж, я не буду против, если вы её выследите. Мне порядком надоел этот цирк...

– Любезная Елизавета Борисовна, вам не жаль рисковать моей жизнью? – шутливо осведомился Жигамонт.

– У вас есть оружие, милый доктор?

– Я врач, а не полицейский. Моё единственное оружие – моя трость.

– Негусто. Но вы умеете стрелять?

– Немного. Признаться, я лучше владею рапирой. В молодости один мой хороший друг давал мне уроки, и я оказался способным учеником.

– Я предпочитаю револьвер клинку. И будьте уверены, милый Жорж, если эта белая тварь встретится мне, то я не промахнусь. У меня рука твёрдая, и глаз – верный. Шах!

– Bravo, княгиня! Вы пользуетесь тем, что я отвлекаюсь на беседу с вами.

– А вы не отвлекайтесь. Я же не отвлекаюсь, – Олицкая отпустила собаку и вздохнула. – О моём сыне спрашивать не

буду. Не один приличный человек не станет дурно говорить матери о её чаде... А других членов нашего семейства вы ещё, должно быть, не имели сомнительного счастья видеть?

– Увы!

– Ну, значит, за ужином увидите... Если бы вы знали, милый доктор, как они все мне надоели... Хоть бы Родя не уходил в монахи. Это будет для меня большим ударом.

– А он знает об этом?

– Напрямую я не говорила, но он не может не догадываться... Если Родя уйдёт в монастырь, то поместье после меня достанется этой своре старших детей моего мужа. Моего сына это не беспокоит. Он будет только рад избавиться от бремени лишнего имущества. И откуда в нём взялось это...

В этот момент раздался гонг. Княгиня поморщилась, как от зубной боли. Она не любила громких звуков, и пронзительный звон, возвещающий время вечерней трапезы, раздражал её. Елизавета Борисовна поднялась, оправила тёмно-фиолетовое платье, набросила поверх дорожную шаль более светлого тона:

– Идёмте, милый Жорж. К ужину у нас не принято опаздывать.

Столовая в доме Олицких была выполнена в английском стиле. Это была довольно тёмная продолговатая зала с тяжёлыми шторами и массивной мебелью, освещаемая большим количеством свечей в старинных канделябрах. Гулко посту-

кивал маятник часов, и также гулко звучали шаги входящих, разговаривавших приглушённо, словно боясь нарушить чей-то покой.

Когда доктор Жигамонт вошёл под руку с княгиней в столовую, там уже находилась худощавая женщина и крепкого телосложения мужчина лет пятидесяти, одетый в белоснежную сорочку и фрак. Его не слишком густые волосы были тщательно прилизаны, а усы коротко подстрижены. Лицо мужчины было бледно, дородно, и уже явно намечался второй подбородок, а небольшие глаза смотрели нервно, бегали. Нервность сквозила и в облике его спутницы. Ей было явно за сорок. Можно было предположить, что лет двадцать назад она была интересной, но теперь лицо её избородили морщины, не скрываемые белилами и румянами, толстым слоем нанесёнными на кожу, что говорило о желании дамы хоть как-то омолодиться и скрыть свой возраст. Женщина была одета в светлое платье, которое, вероятно, также должно было молодить её, но на деле вовсе к ней не идущее. Руки её украшали массивные перстни и браслеты, а шею – кольцо. Дама похрустывала пальцами и явно скучала.

– Добрый вечер, – приветствовала княгиня нервную пару. – Позвольте представить вам нашего гостя, доктора Георгия Павловича Жигамонта.

– Здравствуйте, княгиня. Здравствуйте, доктор, – с учтивым полупоклоном отозвался дородный господин, и Георгий Павлович тотчас определил надменность в его тоне и манере

держат себя.

– Мы рады приветствовать вас, – добавила дама напряжённым голосом.

– Доктор, это князь Владимир Александрович и его супруга, Екатерина Васильевна, – произнесла княгиня.

– Рад познакомиться, – сказал доктор, поклонившись в ответ князю и поцеловав руку его жене.

Елизавета Борисовна заняла место во главе стола и помашила Жигамонта к себе:

– Садитесь рядышком, милый доктор.

Георгий Павлович покорно опустилсЯ слева от неё. Княгиня нагнулась к его уху и зашептала:

– Как вам нравится эта парочка? Этот самодовольный осёл всякий вечер наряжается так, будто едет на раут! И что ж? Дурак – он и во фраке дурак. И жена его не лучше. Два сапога, как говорится... Ни малейшего подобия вкуса! И она мечтает сделаться старшей княгиней Олицкой! Было бы у неё жало, так бы и впилаСь в меня...

Послышались шаркающие шаги, и в столовую вошёл поддерживаемый под руку Родей старик Каринский, а следом его внучка, всё так же скромно опускающая глаза.

Олицкая легко поднялась и расцеловала Алексея Львовича:

– Дядюшка, добрый вечер! Как ваше здоровье?

– Прекрасно, душечка! Сегодня совсем прекрасно! – улыбнулся Каринский.

– Держу пари, это заслуга доктора! – предположил Родион.

– Ты, как всегда, прав, мой мальчик, – ответил старик и добавил, обращаясь к Жигамонту: – Рад вновь вас видеть, мон шер.

Алексей Львович, Родя и Маша расположились за столом справа от княгини.

– Уже четверть минут, а Антона всё нет, – произнёс Владимир Александрович.

– И твоего сына и друга, кстати, тоже, – заметила княгиня. – Я думаю, пора приступать к ужину. Дашенька, – обратилась она к горничной, – подавай, пожалуйста.

– Слушаюсь, барыня.

В этот момент в помещение вошёл мрачный господин средних лет с крупным горбатым носом и впалыми щеками, одетый в тёмный сюртук и брюки в полоску.

– Прошу простить за опоздание, – сказал он, раскланиваясь. – Всем доброго вечера и приятного аппетита. Княгиня, Алексей Львович...

– Познакомьтесь, милый доктор, это Борис Борисович Каверзин, адвокат... Он вырос в нашей семье, а потому считается почти членом её, – представила княгиня вошедшего.

– Очень рад, – кивнул доктор. – Георгий Павлович Жигамонт.

– Да-да, доктор, я слышал о вашем прибытии... Здравствуйте!

– Боренька, ты что-то бледен. Ты нездоров? – спросила Елизавета Борисовна.

– Ах, пустяки! Не обращайтесь внимания!

– Боря, ты не видел моего брата и Володю? – спросил Владимир Александрович.

– Нет, не видел, – мотнул головой Каверзин, усаживаясь. Он быстро положил в рот несколько пилюль и запил их тремя крупными глотками воды.

– Дашенька, наливай суп, – приказала Олицкая.

– Вы могли бы и подождать, пока все соберутся, – заметила Екатерина Васильевна.

– Семеро одного не ждут, – отозвалась Елизавета Борисовна, приступая к ужину. – Если хочешь, можешь подождать. А я, извини, лишнего времени не имею, к тому же голодна, как волк. Ты, дорогая, спать изволишь до двенадцати часов, а я с шести утра на ногах. А Антон с Володей могут и вовсе не прийти.

– Ну, почему ж не придём-то? – послышался звонкий голос, и в столовую вошли высокий молодой человек с тёмными волосами, расчёсанными на косо́й пробор, и озорно поблёскивающими глазами и мужчина лет сорока, плохо выбритый и неопрятно одетый.

– Вы опоздали на полчаса, – строго заметил князь.

– Папа, дядя мог и вовсе не прийти, если бы я не разбудил его, – ответил молодой человек, бесцеремонно кладя себе в тарелку кусок ботвиньи. – Даша, суп я не буду. Раз уж к супу

я опоздал, так ограничусь совместным с семейством поеданием второго и десерта! Что у нас на десерт?

– Пирог с яблоками и черникой, яичный пирог...

– Не продолжай! И без того понятно, что и без всякого супа голодным я не останусь!

– Володя, веди себя прилично, – прошипела Екатерина Васильевна.

Княгиня постучала ложкой о фужер:

– Антон и Володя, прежде чем вы приступите к ужину, познакомьтесь с нашим гостем.

– Да уж не трудитесь, тётушка, – улыбнулся Володя. – Мы уже знаем. Доктор Жигамонт, Георгий Павлыч, из столицы. Простите великодушно, милейший доктор, за бесцеремонность. Дядя нынче не совсем здоров. Поэтому я его представляю за него: Антон Александрович Олицкий, младший брат моего отца.

Антон Александрович поднял мутный взгляд, кивнул, пробормотал что-то и потянулся за штофом. Каверзин проворно отодвинул его.

– Благодарю, Боренька, – кивнула княгиня. – Антон, я была бы тебе очень признательна, если бы ты не появлялся больше за столом в таком виде. Доктор, теперь вы можете созерцать наше семейство в полном составе и во всей красе. Этот юнец, – она кивнула на Володю, – как вы могли догадаться, Володичка, сын Владимира Александровича. Однако, мне непонятно, отчего так долго нет отца Андроника. Он

обещался быть у нас сегодня. Странно, что он опаздывает... Родя, ты ничего не знаешь по этому поводу?

– Нет, матушка.

– Дашенька, подавай второе...

Георгий Павлович внимательно разглядывал присутствующих, погрузившихся в трапезу. Воцарившееся было молчание за десертом вновь прервал Володичка:

– Скажите, доктор, какое поприще лучше – статское или же военное?

– Володя у нас никак не может выбрать себе стезю, – пояснила Олицкая.

– Вот-вот, не могу, – кивнул Володя. – А уж пора бы! Мама настаивает, чтобы я по статской линии продвигался. В университет поступал! А у меня к наукам ну никакой решительно тяги нет!

– Иди в военные, – посоветовал Каринский. – Ты мальчик ловкий, статный, ростом прямо гренадёр! Из тебя бы даже кавалергард вышел! А что может быть прекраснее службы в гвардии? Службы Отечеству и Государю? И мундир тебе будет очень к лицу, поверь мне.

Алексей Львович говорил, слегка растягивая слова, с характерным французским прононсом, манерно, и от этого речь его имела какую-то особую музыку и приятность.

– Военная служба мне больше по нутру, если честно, но призвания к ней я не чувствую. Доктор, каково же ваше мнение?

Жигамонт промокнул салфеткой уголки губ и, отложив её в сторону, ответил:

– По моему убеждению, хороша та служба, к которой душа лежит. Вот, у вас к чему лежит она?

– Сказать по чести, я лишь к музыке чувствую настоящую тягу.

– Так вы, позвольте узнать, музицируете?

– Володя играет на скрипке, рояле и гитаре. Он даже сочиняет музыку, – сказала Елизавета Борисовна. – Я не могу судить профессионально, но мне кажется, что у него недурно выходит.

– Точно, – кивнул Володя. – А папа считает, что музыка – это не занятие для князя.

– Разумеется, – веско произнёс Владимир Александрович. – Князь Львов, к примеру, сочинивший наш гимн, был в первую очередь офицером, приближённым к Его Императорскому Величеству.

– И блестящим, – подтвердил Каринский. – А как он изумительно играл на скрипке! Вы бы слышали! Даже Европа преклонялась перед его искусством! Его скрипку нельзя было перепутать ни с одной другой.

– Зато Глинка не был военным!

– Он не был и князем! – сухо отрезал Владимир Александрович.

– Отец знает, что говорит, – согласилась с мужем Екатерина Васильевна.

– А я думаю, что Володичке стоит учиться музыке, – сказала княгиня. – Может быть, из него выйдет новый Мусоргский или Бородин? Ну, по крайности, Рубинштейн...

– Князь Олицкий – это вам не Рубинштейн! – возразил Владимир Александрович.

– Эх, махнуть бы по Европе! Здесь – что? Даже послужить Отечеству и то порядочно нечем! – патетически воскликнул Володя.

– Музыка – дело доброе. Но, сынок, все композиторы были нищи... Нужно иметь более серьёзные основания в жизни! – сказала Екатерина Васильевна.

– Доктор, какое же ваше мнение? – спросил Володя.

– Какое может быть мнение у меня, когда я не слышал, как вы играете, – пожал плечами Георгий Павлович.

– В самом деле, – согласился Каринский. – Володя, голубчик, может быть, ты сыграешь нам? Музыка вечером – это так восхитительно! Я до сих пор не могу забыть музыкальные вечера в Петербурге. Как играл Лист! Как пела несравненная мадам Виардо!

– Вы слышали Виардо, Алексей Львович? – переспросил Жигамонт.

– Да, шер ами, я имел это несравненное удовольствие. Удивительный голос! Когда слушаешь, всё прочее исчезает для тебя. Говорят, что Гризи не уступала ей, но Гризи я не имел счастья слышать. А мадам Полина – это... – Каринский сделал выразительное лицо.

– Решено, – улыбнулась княгиня, – идёмте все сейчас в гостиную, и Володя нам сыграет что-нибудь.

– Авек плезир, ма тант¹¹, – просиял Володя.

Жигамонт допил бокал сухого белого вина и проследовал в гостиную, в которой, как оказалось, было оборудовано нечто вроде небольшой эстрады, на которой стоял белый рояль. Собравшиеся расположились в уютных, мягких креслах бежевого цвета в тон кремовым шторам, коврам, стенам. От обилия светлых тонов гостиная казалась почти воздушной. Володя принёс скрипку, прыжком вскочил на эстраду и, отбросив со лба длинные пряди волос, заиграл.

Георгий Павлович закурил трубку и стал слушать. Сам он никогда не играл ни на одном музыкальном инструменте, но любил музыку и хорошо чувствовал её. Живя в столице, он старался не пропускать выступлений московский и заезжих виртуозов, часто бывал в опере, хотя предпочитал ей симфоническую музыку и романсы. От игры Володи он не ожидал ничего выдающегося и был удивлён тому, как вдохновенно и даже талантливо играл молодой князь.

– Хорош, не правда ли? – шепнул ему Каринский.

– На удивление...

Юноша закончил игру и ожидающе посмотрел на доктора.

– Bravo, Володя! – воскликнул Родион, обнимая друга.

– Дивно, дивно, – закивал головой Алексей Львович.

– Итак, доктор, что скажите? – спросила княгиня.

– Я не специалист, – отозвался Жигамонт, поднявшись, –

но мне кажется, что вы, князь, могли бы добиться больших успехов на музыкальном поприще. Во всяком случае, вам следовало бы поехать в Петербург или Москву и продемонстрировать свои умения людям знающим.

– Спасибо, доктор, за диагноз, – полушутя поклонился Володя. – Что ж, может, и, в самом деле, махну по осени в Москву! Чем чёрт не шутит...

Юноша не успел закончить, так как в гостиную вошли двое: невысокий, сутулый человек с изрядными залысинами на крупной голове и старый священник с суровым лицом и белыми, как снег, волосами.

– О, отец Андроник! – тотчас поднялась навстречу княгиня. – Мы уже беспокоились о вас. Что произошло?

– Прошу простить, Елизавета Борисовна, меня срочно позвали к умирающему, – голос священника оказался немного резким.

– Что? Кто-то умер?

– Да. Прохор Саватьев.

– А... Да-да, – Олицкая вздохнула, – он уже давно хворал. Царствие небесное ему. Отличный плотник был и детей справных вырастил. Старуху его жаль, но у неё, благодарение Богу, уже внуки есть: справится. Заеду днями проведаю её. За окном зарокотал гром.

– Никак там гроза? – спросил Родион.

– И презрядная-с, Родион Александрович, – кивнул спутник священника. – У отца Андроника бричка сломалась.

По счастью я как раз возвращался из города и подвёз его.

– Спаси вас Христос за то, Архип Никодимович, – поблагодарил отец Андроник.

– Я сейчас велю ужин вам подать, – решила княгиня.

– Не стоит, Елизавета Борисовна, – покачал головой священник. – Я не голоден. К тому же нынче постный день. Мне бы разве чаю крепкого горячего да бараночку.

– Архип Никодимович, распорядитесь, пожалуйста, – сказала Олицкая. – И комната для отца Андроника пусть готова будет. И сами согрейтесь обязательно.

– Всенепременно-с, – отозвался Архип Никодимович и ушёл.

Этот человек с первого взгляда не понравился Георгию Павловичу. Во всём облике его сквозила хитрость, изворотливость и скрытая враждебность, и глубоко посаженные глаза его смотрел исподлобья как-то недобро. Зато отец Андроник всем видом своим внушал почтение и доверие. Высокий, худой, ещё крепкий старец в простой рясе, словно сошедший с древней иконы, он неспешно подошёл к каждому из собравшихся, приветствуя их. Княгиня немедленно представила ему доктора, и он благословил его.

Явившаяся Даша принесла чай с баранками и вишнёвым вареньем, к которому священник не притронулся.

– Отец Андроник – настоящий аскет. Не пьёт ни спиртного, ни кофе, а только воду и чай. Мало ест и спит. Образец подвижника. Из него вышел бы превосходный епископ, но

он, кажется, вовсе не стремится к возвышению, но даже чурается всего с ним связанного, – шёпотом сказала Олицкая доктору.

– А что за человек был с ним? – спросил Жигамонт.

– Это наш управляющий, Лыняев. А что?

– Неприятная личность.

– В высшей степени. Но дело своё знает. Потому и держу.

Откуда мне знать, будет ли иная личность приятнее? А когда ещё и дурак окажется? К тому же Лыняева я знаю, как облупленного, а к другому ещё приравниваться. Кстати, Дашенька – дочь Архипа Никодимовича.

– Никогда бы не подумал...

Володя вновь завертелся по комнате, кажется, будучи просто не в состоянии сидеть на одном месте:

– Нынче прекрасная ночь! Гроза! Чем мы развеем нашу скуку?

– Тебе скучно, мой дорогой? – усмехнулась Елизавета Борисовна. – Скуке есть одна причина: безделье.

– Мне нет, тётушка! Но дядя, кажется, уже изволил заснуть!

Антон Александрович, в самом деле, дремал, подперев голову кулаком.

– Говорят, теперь во всех петербургских гостиных занимаются столоверчением, – сказала Екатерина Васильевна. – Может быть, не отстать и нам от высшего общества? Я слышала, что Муромцевы довольно часто устраивают у себя се-

ансы...

– Муромцевы – дураки, – резко бросила Олицкая. – Они бы лучше о своих мужиках больше заботились, а не столы вертели. Ишь невидаль!

– У вас, Елизавета Борисовна, все дураки, – нахмурился Владимир Александрович. – У них мужики себя помнят, и в строгости живут! А вы их распустили! Каждое неумытое рыло на барское крыльцо лезть норовит!

– У Муромцевых мужики отродясь досыта не ели. И пусть лучше они со своей бедой ко мне на крыльцо приходят, чем в леса бегут!

– Мужворьё пороть надо, Елизавета Борисовна! Пороть! Прежде то и было, нынче как крепостное право отменили, так и управы не стало!

Допив чай, отец Андроник поднялся:

– Поздно уже. С вашего позволения, Елизавета Борисовна, я вас покину.

– Разумеется, батюшка, как вам будет угодно.

– А я думал, вы нам скажете что-нибудь, – почти вызывающе сказал Владимир Александрович. – Кто прав, по-вашему, я или княгиня?

– Вы меня в мирские распри не мешайте, – отозвался священник. – Я свой выбор давно сделал. Я не с либералами, не с консерваторами, не с Царём, не с бунтарём, а с Тем, Кто сказал «я есмь Истина», не с тем, кто твердит о хлебе насущном, но с Тем, Кто сам есмь Хлеб.

– Я провожу вас, отец Андроник, – вызвался Родион.

– Не стоит, сын мой, я знаю дорогу, – остановил его священник и, благословив всех присутствующих, добавил: – Господь да сохранит вас всех в эту ночь и дарует сон мирный!

– Володя, княгиня, полно вам ссориться, – подал голос Каверзин, когда отец Андроник ушёл, и доктор заметил, что тот сделался ещё бледнее, чем прежде. – Отчего бы и впрямь не развлечься предложенной забавой? Георгий Павлыч, как вы смотрите на это?

– Я не возражаю, – пожал плечами Жигамонт, не вынимая изо рта трубки.

– Помнится, я некогда присутствовал на сеансе у графини Шурановой, – произнёс Каринский. – Явившийся дух был не очень вежлив, и наш почтенный спирит постеснялся повторять его откровения при дамах...

– Что ж, столоверченье, так столоверченье, – махнула рукой Олицкая. – Только, Катя, если твой дух задержится, я уйду. Мне в шесть утра уже надо быть на ногах.

– Мне, если честно, не по нутру эта забава, – сказал Родя. – Спиритизм есть грех.

– Ах, мон ами, какой ты всё-таки педант! – воскликнул Володя. – Просто пренесносный, нудный педант! Это всего лишь забава!

– И всё-таки я не имею желаний в ней участвовать, – сказал Родион.

– Я тоже лучше поднимусь к себе, – тихо произнесла Маша. – Мне будет страшно, если дух придёт...

– В таком случае, я провожу тебя, Машенька, – улыбнулся Родя. – Чтобы ты снова не столкнулась с нашим призраком. Спокойной ночи!

– Они правы, между прочим, – заметила княгиня, поглядывая вслед сыну и Маше. – Нам мало одного фантома, а вы хотите вызвать на нашу голову ещё одного...

– Может быть, он-то и расскажет нам про первого, – беззаботно рассмеялся Володя.

Все присутствующие заняли места вокруг большого круглого стола. В сплошном мраке, освещаемом лишь стоящей на столе свечой, едва можно было разобрать лица находящихся рядом. Каверзин то и дело утирал испарину, изредка делая мелкие глотки из бокала с вином, захваченного из столовой. Антон Александрович выглядел совершенно равнодушным, точно спал с открытыми глазами, а его брат смотрел мрачно, насупив брови, явно ещё не остывнув от стычки с мачехой, также принимавшей участие в «забаве» с усталым и раздражённым видом. Веселился лишь Володя. Алексей Львович отнёсся к сеансу с любопытством, вызванным отчасти ностальгией. Лишь на лице Екатерины Васильевны был написан почти священный трепет. Эта женщина явно верила в то, что делала.

– Возьмёмся за руки, – сказала она. – И, что бы ни случилось, никто не должен прерывать цепь.

«Кажется, скучно всё это будет... – подумал Жигамонт, почувствовавший, что насыщенный день всё-таки утомил его, и едва сдерживаясь, чтобы не зевнуть. – Скорее бы уж закончилось!»

В этот момент в комнате раздался шорох.

– Это он! Он здесь! – выдохнула Екатерина Васильевна. – Кто ты? Назови своё имя!

– А.К., – прошепстало едва слышно. – Смерть зовёт смерть, смерть идёт к смерти, смерть уже здесь, смерть посреди вас, смерть за каждым из вас!

– Это она! Она! – прохрипел Каверзин, хватаясь за горло.

– Чёрт возьми! Включите кто-нибудь свет! – закричал Владимир Александрович.

– Не упоминай его теперь! – вскрикнула Екатерина Васильевна.

– Дура!

В темноте мелькнула белая фигура, раздался грохот падающей мебели. Вспыхнул свет. Первое, что увидели участники сеанса, это отсутствие Антона Александровича. Стул его лежал на полу.

– Володя, где Антон? – спросила княгиня. – Он сидел подле тебя!

– Мне кажется, Антон Александрович за тем комодом, – кивнул Жигамонт на старинный комод, рядом с которым лежал ещё один уроненный стул и разбитая ваза.

Владимир Александрович решительно подошёл к комоду

и вытащил из-за него перепуганного брата.

– Водочки мне, водочки... – шептал тот, едва шевеля дрожащими губами.

– Пьяница! – раздражённо бросила Олицкая.

– Идиот! – с не меньшим раздражением выдохнул князь, чьё лицо сделалось багровым.

Вновь послышался грохот и звон. Все обернулись, и увидели лежащего на полу без движения Каверзина, рядом с ним валялись осколки разбитого бокала, вокруг которых алым, похожим на кровь пятном разлилось вино.

Жигамонт бросился к Борису Борисовичу, и, встретившись глазами с его невидящим взглядом, уже почти безнадежно пощупал его пульс.

– Что с ним? – тихо спросила побледневшая Елизавета Борисовна.

– Он мёртв, – ответил Георгий Павлович, подбирая осколки бокала...

Глава 2

В рассветный час Москва ещё дремлет, не спеша пробуждаться в отличие от северной столицы, отобравшей некогда её первенство, но и подарившей тем ей счастливую безмятежность. Розоватая дымка окутывает золотистые маковки и шеломы её церквей, разливаясь перламутром по их белым стенам. Сказочно смотрится в такой час Москва! Особенно чудно глядеть на неё с возвышения: с Воробьёвых гор, например. Но совсем не туда направлялся скорым шагом Илья Никитич Овчаров, грызя жёлтыми зубами семечки, насыпанные в карманы старого, чуть ли не до дыр затёртого архаика серовато-зеленоватого цвета. И мало обращал он внимание на московские красоты, погружившись в свои думы и глядя под ноги.

Илья Никитич направлялся к Бассейне, месту утреннего сбора всех московских дворников. Дворники, как известно, народ знающий. Потолковать с ними всегда полезно. А особенно нужно поговорить с теми, что работают в нужном месте – то бишь в Староконюшенном переулке и по соседству. А уж после можно заняться и «Балканами». Хотя вряд ли по прошествии такого срока кто-нибудь помнит там несчастную Аннушку и её прачку-мать. Недурно было бы ещё свести знакомство с полицейскими чинами. Кто-нибудь наверняка

должен помнить дело о жестоком убийстве юной девушки: такие преступления случаются не каждый день. Когда бы дело происходило в родной Коломне, Овчаров нашёл бы нужных людей в считанные дни. Но Москва велика. А, главное, чужда, и не чувствовал в ней Илья Никитич привычной лёгкости.

Дойдя до Бассейни, Овчаров остановился, вглядываясь в суровые лица дворников, перекидывавшихся друг с другом малозначащими словами. Дальнейший план действий ещё не созрел в его голове. Илья Никитич, вообще, редко составлял какой-либо план, предпочитая действовать по обстоятельствам. Внезапно кто-то тронул его за плечо. Овчаров обернулся и увидел дворника средних лет с тёмными, несколько растрёпанными волосами. Илья Никитич мгновенно оценил его белоснежный фартук и новые, блестящие сапоги, при взгляде на которые Овчаров невольно покосился на свои, истоптанные и грязные. Дворник, между тем, изучающе смотрел на него любопытными бирюзовыми глазами.

– Тебе чего, борода? – спросил Илья Никитич.

– Мне-то ничего, мил человек. А, вот, почто ты тут оги-наешься? Али ищешь что?

– Да с чего ты взял? Вот, привязался!

– Ищешь-ищешь, – уверенно сказал дворник. – Ты отку-лешний будешь-то?

– Почём ты знаешь, что я приезжий?

– А своих я знаю, а тебя впервой вижу. Физиомордия у

тебя не московская.

– Ходила к дьяку попадья... Пряма-таки всю Москву знаешь? – недоверчиво усмехнулся Овчаров.

– Всю – не всю, а уж кого надо знаю. Так что ищешь-то ты, мил человек? Сказывай уж. Авось, я знаю.

– Ну, когда ты, брат, всю Москву знаешь, так, чем чёрт не шутит, может, и поможешь мне, – задумчиво произнёс Илья Никитич. – Не знавал ли ты некой мадам Ульбрехт, что держала швейную мастерскую на Староконюшенном?

– Куда хватил! – удивился дворник. – Она уж скоро лет двадцать, как из Москвы не своею волей выбыла. Небось, бесу душу давно отдала.

– Отчего ж бесу, а не Богу?

– А не для Господа Бога этикие души. Что тебе, мил человек, в сей даме?

– А работала у ней девушка. Аннушкой звали. Может, слышал?

– Слыхивал, – кивнул дворник. – Значит, ты той тёмной историей антирисуешься?

– Любопытствую, – подтвердил Овчаров. – Ты, борода, вижу, и впрямь всё тут знаешь. Так, может, подскажешь, с кем я об том деле потолковать могу?

– К Василь Васильичу тебе надо, по моему рассуждению.

– А кто таков Василь Васильич?

– Эх, мил человек, а ещё за москвича сойти думаешь! – рассмеялся дворник. – Василь Васильича Романенко на

Москве всякая собака знает. Немалый чин имеет в сыском ведомстве. Гроза преступников! Он то дело помнить должен. Одно из первых у него, кажись, было.

– Немалый чин, говоришь? Так он, глядишь, и разговаривать не станет?

– Коли в добром духе будет, так и поговорит, а, уж коли зол, так и в ухо может.

– Где ж мне его сыскать?

– А нет ничего проще. Квартирует он в Могильцах, в Мёртвом переулке. Если на водочку дашь, так хоть теперь провожу к нему.

– А служба твоя как же? – прищурился Илья Никитич.

– А я в том переулке и служу. Так что нам по пути.

– Ходила к дьяку попадья... Была – не была! В таком случае веди меня, – решил Овчаров.

День, кажется, складывался удачно. Ведь что ж, как не большая удача, попасть на такого знающего дворника? Теперь главное, чтобы сам господин Романенко был в добром расположении и не спустил незваного гостя с лестницы. А ведь хорошо, чёрт побери, свести знакомство с таким человеком! Ведь когда всё сложится удачно, так можно ж и со своим делом обратиться! Не пригодится ли московской полиции опытный агент? Правда, не знает Илья Никитич Москвы, но так это дело наживное! Узнает! Ведь как можно дело-то повернуть!

Дом Василь Васильича Романенко находился аккурат ря-

дом с церковью Успенья и старым погостом. Овчаров перекрестился, вошёл вслед за дворником в подъезд, поднялся по тёмной лестнице. Неожиданно провожатый достал ключ, отпер одну из дверей и пригласил:

– Милости прошу, господин инкогнито!

– А где же Василь Васильич? – обомлел Илья Никитич.

– Улицы метёт, – рассмеялся «дворник», отклеивая бороду, снимая белый фартук и переступая через порог.

Овчаров прошёл вслед за хозяином на небольшую кухню, где последний опустился на стул и, закурив, предложил гостю:

– Присаживайтесь.

– Спасибо... – растерянно отозвался Илья Никитич, садясь и пряча под стол свои сапоги.

– Может, вы всё-таки представитесь?

– А... Да, извините. Илья Никитич Овчаров. Агент сыскной полиции Коломны.

– Коломны? – присвистнул Романенко. – Не бывал. Каким же ветром вас занесло в Первопрестольную, Илья Никитич?

– Так я уж вроде рассказал...

– То вы дворнику рассказывали, а то мне.

– Вы в самом деле большой чин имеете? – недоверчиво спросил Овчаров.

– Ну, не шибко дюжинный, однако, и не малый, – улыбнулся Василь Васильич, приглаживая волосы. – По крайней мере, вся столичная агентура проходит через мои руки.

– К чему ж тогда вам такой машкерад?

– Вы про дворницкую справу? Это, скажем так, дань прошлому и привычка. Я с первого дня работы в сыскном ведомстве всякое утро с Бассейни начинаю. Нет более информированных людей в Москве, нежели дворники. Да вы ж и сами с них начали.

– Что ж, Василь Васильич, вы нынче в добром духе? В ухо не дадите? – спросил Овчаров, обретая вновь уверенность.

– Коли волянку тянуть не станете, а изложите мне кратко и понятно ваше дело, так не дам, – пообещал московский сыщик. – И не стесняйтесь вы так ваших сапогов, ей-Богу. Я ведь тоже с агентов начинал, по целому дню маковой росинки во рту не имел, сапоги сам чинил... Сказывайте да отправимся где-нибудь позавтракаем. Я, чёрт возьми, успел изрядно проголодаться после, как говорят в благородном обществе, утреннего променада.

Илья Никитич вздохнул и, собравшись с духом, принялся излагать как можно более внятно суть своего непростого дела.

По утрам в ресторации «Палермо» посетителей было немного. Лишь иные просиживали по несколько часов, мелкими глотками цедя горячий чай с блюдец и утираясь полотенцами.

– Корнбиф с рисом и фаршированный калач, – приказал Василь Васильич шустрому половому в крупных конопати-

нах. – Чай подай ямайский или любой какой.

– Сей момент всё будет-с, господин Романенко.

Овчаров опасливо порылся в кармане, явно опасаясь, что завтрак может оказаться чрезмерно дорогим, но Василь Васильич ободрил его:

– Не волнуйтесь, Илья Никитич: я ведь привёл вас сюда, значит, я и плачу.

История, рассказанная коломенским сыщиком, весьма заинтересовала Романенко. Слишком хорошо, несмотря на прошедшие годы, помнил он дело Анны Колывановой, с которого началась его собственная служба в московской сыскной полиции. Ведь никто иной, как Василь Васильич, приняв вид состоятельного клиента, обхаживал портниху Лейду Францевну, именно он добыл необходимые сведения и улики, позволившие разоблачить притон, скрывавшийся под вывеской швейной мастерской.

Убитая Анна Колыванова семнадцати лет, согласно свидетельским показаниям, была девушкой скромной, богобоязненной, трудолюбивой и отзывчивой, что сильно отличало её от прочих весёлых «воспитанниц» мадам Ульбрехт. У Лейды Францевны работала она всего лишь несколько месяцев, и, как рассказывали, портниха привечала её, относилась, как к родной дочери. Анна была чрезвычайно хороша собой, но молодых людей избегала, встречаясь лишь с сыном хозяина церковной лавки, Фёдором, который вскоре стал её женихом.

Составляя портрет убитой, Романенко с трудом мог поверить, что это тихое, целомудренное существо в реальности оказалось обычной камелией, подобной остальным ученицам Лейды Францевны. Тогда Василь Васильич поделился возникшими у него сомнениями со своим начальником и наставником Фролом Демьяновичем Былинниковым, но тот лишь отмахнулся:

– Зелен ты ещё, Вася! Не знаешь ты этих бестий! Напустят на себя вид воплощённой невинности, а сами-то во все тяжкие! Снаружи бело, а внутри, как в трубе печной – чернота одна. Эти девицы изнутри гниют. Видал ты яблоки иные? Казалось бы, этакие румяные, красивые, а надкусишь – гнильё, червь уж их источил. Прочти повесть Гоголя «Невский проспект». Там про это как раз таки сказано.

– Мне книжек читать некогда, Фрол Демьяныч.

– И напрасно. На ночь вельми пользительно бывает. От них спится хорошо.

– Да я и так на сон не жалуюсь...

– Счастливый! – усмехнулся Былинников. – Ступай с Богом, работай. И не верь ты этим продажным тварям.

Фрола Демьяныча поддержал и следователь, ведший дело, также упрекнувший Романенко в молодости и неопытности.

Таким образом, следствие пришло к выводу, что жених убитой, узнав правду о ней, потрясённый этим открытием, решил сам покарать пригретую на груди змею, для чего завёз её в некое, пока неизвестное место и удушил, после чего,

вероятно, для верности, нанёс ей в грудь два удара ножом. Оный нож, выпачканный кровью, был найден среди вещей Фёдора.

И снова мучили Василь Васильича сомнения. Во-первых, где произошло убийство? Труп был сброшен в реку, и установить место трагедии не представлялось возможным. Во-вторых, в свой последний вечер, согласно показаниям очевидцев, Анна навещала мать. Обрато она, как водится, возвращалась пешком, но встретила какую-то даму и мужчину, которые усадили её в свой экипаж и увезли. Подробное описание дамы, в которой была опознана мадам Ульбрехт, дал наблюдавший сцену дворник, заметивший также, что девушка не хотела ехать с нею и согласилась лишь после долгих уговоров. Лейда Францевна подтвердила, что вместе со своим добрым другом, имя которого назвать не пожелала, подвозила свою ученицу на Малую Никитскую, где жил Фёдор с отцом и матерью. Однако соседи последних не видели Анны в тот день, как не видели и сами родители подозреваемого.

Романенко готов был поклясться, что Лейда Францевна лжёт, но следователь отчего-то не желал копать землю глубже. Кандидатура безответного Фёдора на роль убийцы его вполне устраивала.

Сам Фёдор вины своей не признавал и, кажется, был убит горем. Он утверждал, что не знал о тайной жизни своей невесты и ни за что не поверит в неё. И Романенко верил ему. Перед ним был простой парень, немного моложе его самого,

похожий на ласкового телка, а не на жестокого убийцу. И все знакомые характеризовали Федю, как совершенно безобидное создание.

– Он курицу-то зарезать не мог, жалел, а тут живого человека! – качали они головами.

Начальство считало дело раскрытым, но втайне от него Василь Васильич продолжал вести своё расследование. Он опросил всех дворников, лавочников, мелких жуликов, нищих, гулящих девиц, извозчиков, чтобы выяснить хоть что-то, что могло бы пролить свет на тёмную историю. Романенко удалось найти извозчика, везшего в роковой вечер мадам Ульбрехт с её спутником.

– Рассказывай, рассказывай, – теребил его Василь Васильич, подливая купленной «для развязки языка» водки. – Что за мужчина был с нею?

– Дак ничего себе господин. Ростом пониже вас будет, одет хорошо. Бородка этакая, знаете ли, козлиная, стёкла на глазах.

– Молодой? Старый?

– Молодой, молодой. Хотя и сурьёзного вида, а молодой. Важный этакий. Дебелый да холёный. Из важных.

– Как к нему обращалась дама?

– Имени не называла. Всё «шерами» да «шерами». Шерамыжников развелось... Ащё благодетелем величала.

– О чём они сговаривались, ты не слыхал?

– Дак не прислушиваюсь я к чужим разговорам! Что мне

до них? У меня в те дни баба родить должна была, шибко мучилась, так я об ней всё думал!

– И совсем ничего не слышал?

– Баба господину этому сказала: «Не волнуйтесь, всё будет, как договаривались!» А он ей: «Надеюсь. Цену-то вы заломили о-го-го!»

– А девчушку где они подобрали?

– Да она по набережной шла, а дождь накрапывал. Баба остановиться сказала, соскочила, к девчушке подбежала, сахаром вся перед ней растекается: «Душечка, голубушка! Рыбонька, деточка!» Стала её уговаривать с ними ехать. Мол, де, добрый друг приглашает на чай с пирожными да конфетами. Девчушка отказываться стала, говорила, что устала нынче, а та так и извивается. И господин тоже подошёл, что-то говорил ей. Да я не слышал, что. Далече они стояли. В общем, сговорили они её, посадили, я и поехал. Они всё щебетали этак сладкоголосо, да я не слушал.

– Худо, братец, что не слушал! Куда свёз их?

– А до Брюсова дома везти велели. Оттуда, сказали, прогуляться хотят. Дождь-то не пошёл, вечер чудный был.

– Куда б они от Брюсова дома пойти могли?

– А бес их знает, ваше благородие! Я деньги получил и уехал. А уж куда они пошли, али поехали, не моё дело. Я подле этого места задерживаться не хотел.

– С чего так?

– Там, говорят, колдун Брюс ещё живёт. Ну, как появит-

ся? – хитро ухмыльнулся извозчик. – Моё дело маленькое, я в чужие дела не лезу.

Удалось Романенко разузнать и ещё кое-что любопытное. Одна из «камелей», разоткровенничавшись, сообщила, между прочим:

– У Лейды девушки дорогие. У ней клиентов мало, а зато все богатые да знатные, которые огласки боятся, а до удовольствий большие охотники. До удовольствий с изюминкой. У нас-то просто всё, а Лейда – дело другое... У неё утончённые блюда, деликатес...

Начальство всё-таки узнало о неумеренной деятельности молодого сыщика, а Фрол Демьяныч сделал ему строжайшее внушение:

– Ты, сынок, без году неделя в полиции, а уж зарываешься! Не суйся, куда тебе не велят, и оставь свою самодеятельность раз и навсегда!

И Романенко, скрепя сердце, оставил. Фёдора осудили на двадцать лет каторги, но он умер уже через месяц от нервной горячки. Мадам Ульбрехт провела год в Бутырках, после чего была отправлена в ссылку. Василь Васильич остался в убеждении, что истинные виновники преступления остались без наказания, но сделать что-либо не мог. Именно поэтому он так хорошо помнил каждую деталь той истории по прошествии двадцати лет. Распутанное дело Романенко мог подзабыть, но преступления, оставшиеся без наказания, прочно застревали в памяти, оседали в душе чувством собственной

вины.

И, вот, теперь Василь Васильич жевал калач и рассказывал поросшую быльём историю коломенскому коллеге. Провинциальный сыщик, насквозь пропахший тяжёлым духом дешёвого табака, Романенко нравился. В нём чувствовался азарт охотничьего пса, на которого Овчаров походил даже видом. Илья Никитич слушал, впитывая каждое слово, изредка резким движением руки с обгрызенными ногтями ерша соломенные волосы.

– Так что же вы думаете об этой истории? – спросил он, когда Романенко закончил. – Кто убил?

– Я не могу знать, кто, – ответил Василь Васильич. – Я думаю, что Колыванова не была одной из подлянок мадам Ульбрехт. Я верю в данном случае моему чутью, которое редко меня подводит. Лейда Францевна содержала элитный притон, куда для известных удовольствий могли приходиться занимающие высокое положение клиенты, не боясь быть узванными или получить дурную болезнь. «Воспитанницами» этого заведения были совсем юные девицы. Среди них не было ни одной старше двадцати одного, двадцати двух лет. Все они были из нищих семей или же вовсе сироты. Я предполагаю, что ублажать клиентов их вынуждали ещё до достижения ими совершеннолетия. В том-то и деликатес. Острые ощущения для тех, кто уже перепробовал всё.

– А что говорили сами «воспитанницы»?

– Ровным счётом ничего! Лейда, шкура барабанная, была

к ним добра, видите ли! А, между тем, почти все деньги шли ей в карман. А девушки получали сладости, милые побрякушки и прочие пустяки. Но не перебивайте. Я думаю, что милый друг, который был с мадам Ульбрехт в тот вечер, был клиентом, предназначенным для Колывановой. Но что-то у них не заладилось, и девушку пришлось убить. Но кто был этот человек? И почему наше следствие повело себя столь нерешительно? Тут-то и разгадка. Уверен, ваш работодатель мог бы пролить свет на это дело.

– Василь Васильич, а что стало с семьями Анны и Фёдора?

– У Анны, можно считать, семьи не было вовсе. Пьяница-мать. А родители Фёдора... Врать не буду, не знаю, что с ними стало. Мне то дело не доставило ничего, кроме неприятностей, и я не хотел возвращаться к нему. Да и смысла не было. Я был всего лишь на первом году службы... Знаю только, что лавку Палицыны продали в тот же год и куда-то уехали. Они ни на секунду не сомневались в невиновности сына. Если честно, я был у них лишь раз, а после и не заходил. Стыдно было на глаза показаться, словно это я виноват, что их сына осудили...

– Мне нужно узнать их судьбу. Я не знаю, каким боком замешан во всём этом деле мой наниматель, но он заплатил мне деньги, и их я должен отработать. То есть узнать судьбу Палицыных, их родственников, когда такие есть, и уверить-ся, что Фёдор, на самом деле, умер на каторге.

– Соответствующий акт можно отыскать, если постарать-

ся, – задумчиво произнёс Романенко, теребя ус. – Хотя на что это прольёт свет? В том, что он есть, я не сомневаюсь, а для того, чтобы проверить его верность, нужно прогуляться в Сибирь, да и там вряд ли что найдётся: лет-то сколько прошло. Впрочем, полагаю, тут всё верно. Я же видел этого Фёдора. Он уж тогда был на грани горячки и помешательства...

– Но хотя бы судьбу его родных!

– Это можно попробовать. Если только они ещё живы. Опросить ещё живых соседей да знакомцев, нащупать след и красться по нему. Только одному вам, Илья Никитич, не стоит приниматься за это дело.

– Почему ж?

– Вы, может быть, и хорошо знаете свое дело, но вы не знаете Москвы и её обитателей, и это тотчас чувствуется. А чужаку рассказывать ничего не станут, поверьте.

– А что ж мне делать?

– Вам? – Романенко задумался. – Вы где остановились?

– На Чижиковском подворье, – с гримасой отозвался Илья Никитич.

– Ба! И что ж, клопы-то вас там не одолели?

– Не спрашивайте! Эти канальские твари любого сожрут живьём! И зачем только их Бог создал?

– В таком случае, вот вам совет: пойдите теперь на ваше подворье, расплатитесь с хозяином, заберите вещи, пойдите в баню, отдохните там душой и телом и вечером перебирайтесь ко мне.

– Да удобно ли это, Василь Васильич?

– Мне, друг вы мой, всё удобно, так как я неженат. Я нынче не могу дольше сопутствовать вам, поскольку спешу на службу, а вечером мы с вами займёмся вашим делом. Уж я его возьму в разделку!

– Да для чего же вам тратить время на моё дело? – удивился Овчаров.

– А оттого, что каждое дело, в котором не поставлена точка, во мне зудит, как укус клопа. А в том старинном деле точка не поставлена, и я хочу это исправить. Я хочу узнать, что произошло тогда. А, раз уж мы с вами столь чудесным образом встретились, то можно предположить, что это, как говорят святые отцы, воля Провидения, а ей надо следовать всегда, – Романенко поднялся, застегнул форменный китель.

Илья Никитич поднялся следом.

– Ах, да! Чуть не забыл самого главного! – воскликнул Василь Васильич. – Не идите в какую попало баню. Идите в Ломакинские. Непременно в Ломакинские! Баня, друг вы мой, первейшее самое дело. Баня – это ж почти как Причастие! Телу во здравие, душе во спасение! Эх, с каким бы удовольствием я отправился с вами! Чох-мох, не дал Бог!

– Не знаю, как вас и благодарить, Василь Васильич, – улыбнулся Овчаров.

– Бога благодарите, что свёл нас, – Романенко протянул Илье Никитичу руку. – Надобно было бы нам с вами на брудершафт выпить, но с утра я не усугубляю, а потому будем

считать, что уж выпили и перейдём на «ты». До свидания!

– До вечера, Василь Васильич!

Романенко быстрым шагом направился к выходу, приговаривая любимую поговорку:

– Цоп-топ по болоту, шёл поп на охоту...

Глава 3

Пётр Андреевич Вигель задумчиво перечитывал полученное утром письмо. Письмо было от старинного друга отца Петра Андреевича доктора Жигамонта, просившего Вигеля прибыть в имение некой княгини Олицкой, где происходят довольно странные, по мнению Георгия Павловича, события. Пётр Андреевич отложил письмо и, поднявшись с места, прошёлся несколько раз по кабинету, заложив руки за спину.

Что можно предпринять? С одной стороны, нехорошо отказывать добрейшему доктору, но, с другой – стоит ли овчинка выделки? Ничего из ряда вон выходящего в доме Олицких не произошло. Безусловно, странности есть, но есть ли преступление? Что ж, выходит, надо ждать преступления? А если можно предупредить его? Георгий Павлович – человек здравомыслящий, остроумный, уравновешенный – он не стал бы писать зря.

Вигель распахнул окно и глубоко вдохнул воздух, который, однако, ничуть не освежил его, так как последние дни был раскалён до предела. Было настолько душно, что казалось, будто воздух стал твёрдым, и каждая клетка тела ощущала его тяжесть. Пётр Андреевич захлопнул окно и утёр платком шею. Должно быть, хорошо теперь в загородном имении князей Олицких! Но ехать туда нет никакой возмож-

ности. Нельзя же, в самом деле, оставить службу на неопределённый срок. Двухнедельный отпуск начальство обещало несколько позже, а Жигамонт просит приехать как можно скорее. Нет, никак не вытанцовывается...

Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянуло жёлтое, высушенное лицо с огромными мешками под глазами.

– Дозволите-с зайти по старой дружбе-с?

– А, это вы, Любовицкий... – протянул Пётр Андреевич. –

Что ж, входите, коли пришли.

– А вы мне не рады, – заметил Антон Сергеевич, входя.

Он и всегда был похож на высохший корень какого-то растения, но с годами сходство это увеличилось ещё больше. При этом в последнее время Любовицкий стал уделять большое внимание своему платью. Вот и теперь был одет в белый парусиновый костюм, а голову его венчала белая широкополая шляпа. Это одеяние смотрелось на Антоне Сергеевиче вполне нелепо, но он, видимо, не догадывался об этом.

Любовицкий по-хозяйски расположился на одном из стульев, огляделся и спросил:

– Вы, я слышал, днями-с новую должность получили-с?

Повышение-с?

– И что же с того?

– Поздравляю-с!

– Благодарю, – холодно отозвался Вигель. Этот визит был ему неприятен. Бывший писарь, сделавшийся теперь известным газетчиком, раздражал Петра Андреевича, но он ста-

рался не показывать виду.

– А что наш дорогой Николай Степанович? Его ещё за абсид не вывели-с? – полюбопытствовал Любовицкий, играя тростью.

– Нет, – улыбнулся Вигель. – Просто сейчас он в отпуске.

– Это хорошо-с. А то, боюсь, велел бы он меня взащей вытолкать, не поглядев на моё болезненное состояние-с! Вы-то не вытолкаете-с? Очень тогда жёстко обошёлся со мной ваш наставник. Лишил места. А если бы я с голоду Богу душу отдал-с?

– Вас предупреждали, господин Любовицкий, чтобы вы не передавали материалы следствия в газеты. Не понимаю, чем вы недовольны.

– А я доволен, Пётр Андреевич! Я Николаю-то Степановичу благодарен-с! Я нынче лицо известное-с! Мои записки в журналах печатают-с! Знаете, откуда я вчера прибыл? Из Петербурга-с! Нынче я принят в домах известных литераторов. Да-с! Увы, наша литература переживает не лучшие времена-с. Достоевский, Тургенев – невосполнимые потери-с. Один Толстой ещё держит знамя... Кстати, я в скором времени буду у него-с.

– Наша литература, Антон Сергеевич, вырождается в газетничество.

– Ах, Пётр Андреевич, для нашего брата настало не лучшее время. Новый Царь встал на сторону гасильников. Реакция-с!

– И слава Богу! – резко отозвался Вигель. – Пусть будет реакция, и ваши журнальные склоки затихнут. Вы уже взбаламутили общество до того, что у нас стали убивать Царей, а присяжные отпускают убийц гулять по улицам, которые встречают их цветами и аплодисментами, как подлинных героев! Довольно!

– Мы-с? Нет, господин Вигель, мы только-с выражаем мнение народа.

– Когда вы видели народ, Любовицкий?

– Послушайте, Пётр Андреевич, для защиты самодержавия у нас есть Катков, Суворин... Уж не желаете ли вы, чтобы его защищали-с прогрессивные люди из разночинцев тогда, когда сама аристократия-с точит на него зуб? Может быть, вы не знаете-с, как злословили в салонах, когда умирал наследник престола-с?

– Знаю, Любовицкий. Знаю и то, как ответил злословящим Тютчев:

Сын царский умирает в Ницце —

И из него нам строят ков...

«То божья месть за поляков»,—

Вот, что мы слышим здесь, в столице...

Из чьих понятий диких, узких,

То слово вырваться могло б?..

Кто говорит так: польский поп

Или министр какой из русских?

О, эти толки роковые,
Преступный лепет и шальной
Всех выродков земли родной,
Да не услышит их Россия,—

И отповедью – да не грянет
Тот страшный клич, что в старину:
«Везде измена – царь в плену!» —
И Русь спасти его не встанет.

Вы поддерживаете подлость, Антон Сергеевич.

– Когда подлость становится нормой, то её остаётся только поддерживать.

– Подлость становится нормой, когда такие, как вы, славают ей гимн. У меня много работы, Любовицкий, поэтому не потрудитесь ли объяснить, зачем вы пришли?

– Ах, Пётр Андреевич, – вздохнул бывший писарь, поднимаясь, – как вы становитесь похожи на господина Немировского. Вот, слушаю-с вас, а вижу перед собой его.

– Считаю это комплиментом. Так что же вам угодно?

– Нет ли какой-нибудь любопытной историйки у вас? Я бы статеечку чиркнул-с.

– Я полагаю, что ответ вы знаете, – отозвался Вигель, поднимаясь.

– В таком случае, передавайте-с поклон Николаю Степановичу. Прощайте-с! – Любовицкий выскользнул из кабинета, притворив за собой дверь.

Как змея всякий раз вползает! – подумал Пётр Андреевич. А сколько в этом тщедушном борзописце явилось гонора, прежде придавленного ничтожеством собственного положения! Он допущен к известным литераторам! Он вскорости будет лицезреть Толстого! Это, впрочем, не так уж и сложно. Граф, как известно, людей не избегает, и к нему может явиться кто угодно. Но с каким чувством превосходства стал изъясняться этот господин Любовицкий! И только ли он! Нет, все, подобные ему! Особенно свысока смотрят они на полицейских. И добро бы только они смотрели так! Но уж иной благородный человек стесняется подать руку полицейскому, боясь быть уличённым в сочувствии реакции. Даже иные офицеры стесняются. Это мания, заразная болезнь, поразившая общество. Какой закон может быть там, где служители его почитаются за нелюдей и становятся кастой неприкасаемых?! А, если закона нет, то на чём будет стоять государство? На моральных принципах, которые есть далеко не у всех, а у кого есть – столь различны, что никак не могут ужиться? Развал... Развал... Вся надежда на нового Государя, на его здравомыслие. Может быть, удастся этому богатырю на троне вернуть разлившиеся реки в их русла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.